

~~7. VI.~~
~~2250~~

574582

1934

Уважаемому товарищу М. М. Алексееву —
А. Н. Стоянов

1923
1378⁺

~~7. VI.~~
~~2250.~~

574582

Центральна Наукова
Бібліотека при ХДУ
Київ

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Інд. № _____

Догодлено
листопад 1939

Фототипія Шереръ, Набольшіи № въ Москвѣ.

ПРОФ. Д. И. КАЧЕНОВСКИЙ.

ЦНБ ХНУ им. В. Н. Караз.
2011 р.

~~№ VI.~~
~~2250.~~

Воспоминаніе о Д. И. Каченовскомъ ¹⁾.

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Ihr bringt mit euch die Bilder froher Tage,
Und manche liebe Schatten steigen auf...

Немного времени прошло, какъ проводили мы въ раннюю могилу Д. И. Каченовскаго. Нелегко было терять его тѣмъ людямъ, которые хорошо знали его, и едва-ли когда можно будетъ переносить безъ тяжелой душевной боли мысль, что не стало уже человѣка, еще недавно жившаго межъ насъ всѣми сторонами тонкой и богато-одаренной натуры своей. Да, страшно сказать; угасъ навсегда этотъ ясный и острый умъ, зорко слѣдившій, до послѣдняго мерцанія своего, за вопросами науки, искусства и политики. Угасло и сердце: пылкое, чистое и благородное,—сердце, способное любить. А любилъ Д. И. все, что отъ вѣчала опредѣленнымъ и свѣтлымъ понятіямъ его о добромъ и прекрасномъ. Душа этого человѣка представляла собою счастливую и строгую гармонію силъ, гдѣ соединялись солидныя качества ученаго съ привлекательными свойствами художественной натуры. Въ этомъ отношеніи Д. И. былъ вѣрнымъ представителемъ славянскаго типа, которому—къ счастію, или несчастію—природа не отказала ни въ тонкомъ артистическомъ чувствѣ, ни въ добромъ и впечатлительномъ сердцѣ.

Я сказалъ—„къ счастію, или несчастію“, потому что не знаю, содѣйствуетъ ли художественный и сердечный элементъ въ характерѣ житейскому благополучію. Трудно бываетъ такимъ людямъ ладить съ

¹⁾ Изданная еще въ 1874 г. отдѣльною брошюрою, эта лекція проф. А. Н. Стоянова давно уже стала библиографическою рѣдкостью. Мы перепечатаемъ ее здѣсь въ виду того интереса, какой она представляет и сама по себѣ, и—какъ важный матеріалъ для будущаго біографа Д. И. Каченовскаго. Въ тѣхъ же видахъ мы помѣщаемъ здѣсь рѣчи профессоровъ И. П. Сокальскаго и А. Н. Стоянова, произнесенныя надъ гробомъ Д. И. Каченовскаго 23 декабря 1872 г. (перепечат. изъ „Харьк. губ. Вѣдом.“, № отъ 30-го декабря 1872 года), а также некрологъ Д. И. Каченовскаго и статью „Голоса“.

практическими заботами дня; еще труднѣе установить желанное согласіе между внутреннимъ своимъ міромъ и окружающею средою. Всѣ такіе люди неизбѣжно переносятъ сильныя нравственныя страданія. И вотъ почему такъ поразили меня своею вѣрностію душевныя слова проф. Сокальского надъ гробомъ Д. И. Каченовскаго: „Товарищъ, нелегка была твоя жизнь на землѣ. Пусть-же, по крайней мѣрѣ, будетъ земля для тебя легка!“.

И такъ, все кончено для симпатичнаго человѣка и достойнаго дѣятеля, котораго лишились мы такъ недавно. Но хочется вѣрить, что жизнь Д. И. Каченовскаго, такъ рано прерванная, оставитъ по себѣ неизгладимые слѣды. Помимо многочисленныхъ ученыхъ и литературныхъ трудовъ, недаромъ-же шесть поколѣній университетской молодежи были учениками этого просвѣщеннаго и благороднаго человѣка, любившаго и молодежь и Россію искреннею, сильною, но требовательно и строгою любовью, какъ всегда и все любилъ Каченовскій. Я не знаю профессора, который слѣдилъ бы съ такою заботливостію за ученою и литературною дѣятельностію своихъ студентовъ. Я не встрѣчалъ людей, которые сочувствовали бы болѣе Д. И. Каченовскаго государственнымъ и общественнымъ успѣхамъ Россіи—эманципации крестьянъ, судебной реформѣ, земству и городскимъ учрежденіямъ. Почти наканунѣ смерти своей, съ энергіей доказывалъ онъ необходимость ознакомить западную Европу черезъ извѣстный журналъ *Revue de droit international* съ сущностью законоположеній о земствѣ и городскомъ устройствѣ. Смѣло можно сказать, что чистая душа этого человѣка радовалась всѣми радостями и горевала всѣми горестями родины. Да, Каченовскій былъ патріотомъ въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Не закрывая глазъ передъ общественными недостатками и недугами, не льстя никому и ничему, никогда и ни отъ кого не ожидая какихъ-либо воздаяній, Д. И. страстно желалъ, чтобы общественный ростъ Россіи привелъ насъ къ прочнымъ и благотворнымъ успѣхамъ гражданственности. О профессорѣ Каченовскомъ можно сказать то-же, передъ цѣлою Россіей, что написано недавно, передъ цѣлою Европой, объ умершемъ профессорѣ и извѣстномъ писателѣ Либерѣ (Lieber, авторъ сочиненія *Civil liberty etc.*): „онъ любилъ свободу и реформу, но любилъ ихъ, какъ право, съ которымъ неразрывно связаны многія обязанности.... И чѣмъ полнѣе пользуется кто-либо такимъ правомъ, тѣмъ сильнѣе и неотложнѣе возвышаются передъ нимъ соотвѣтственныя обязанности“.

Завѣтною мечтою Д. И. было построить международное право на разумныхъ, положительныхъ и прочныхъ основахъ. Скептицизмъ относительно любимой науки заживо трогалъ его, и онъ готовъ былъ

горячо полемизировать, уже по той причинѣ, что не могъ, по характеру своему, относиться хладнокровно и математически къ тому, что считалъ истиною. Вѣрно и мѣтко очертилъ личность Д. И. Каченовскаго одинъ изъ старинныхъ и серіозно-образованныхъ музыкальныхъ друзей его: „Д. И., говорилъ мнѣ г-нъ П—чъ, былъ человѣкъ очень даровитый, пылкій по природѣ, весьма честныхъ и идеальныхъ убѣжденій, горячій поборникъ истины и прогресса. По всему складу характера своего, онъ былъ настоящій идеалистъ; людей не зналъ совершенно, потому что не могъ судить о нихъ безпристрастно, съ реальной точки зрѣнія. Вообще, реалистическое направленіе нынѣшняго вѣка, все болѣе и болѣе проявляющееся и въ наукѣ, и въ обществѣ, было ему чуждо совершенно.... Онъ устранился отъ него сознательно и искалъ спасенія въ области искусства“.

Таковъ психическій обликъ Д. И. Каченовскаго, вся важность потери котораго будетъ вполне оцѣнена лишь впоследствии.

I. Періодъ дѣтства и народная школа.

Постараюсь набросать біографическій очеркъ Д. И. Каченовскаго, и, быть можетъ, удастся мнѣ раскрыть простой, но нравственный смыслъ этой честной и полезной жизни.

Д. И. Каченовскій родился 8-го дек. 1827 года въ Карачевѣ, небольшомъ городкѣ Орловской губерніи, и приходился отдаленнымъ родственникомъ профессору московскаго университета, М. Т. Каченовскому. Первые годы дѣтства его извѣстны изъ дневника, который вела сама мать покойнаго—В. К. Каченовская, любимая сыномъ съ безпредѣльною любовью. Преданность къ матери, самая нѣжная, почти женственная, составляетъ характерную черту покойнаго. Чѣмъ счастливѣе былъ въ немногія минуты своей жизни Д. И. Каченовскій, тѣмъ теплѣе и сильнѣе была дума его о матери. „Какъ ни весело за границу—пишетъ онъ въ декабрѣ 1859 г. изъ Парижа—но мысль найти снова тотъ пріютъ, гдѣ я отдыхалъ отъ житейскихъ волненій и университетскихъ битвъ, есть для меня мысль отрадная. Шататься цѣлую жизнь нельзя; нужно работать и жить для васъ, для друзей, для доброй молодежи нашей, для науки,—и счастливъ тотъ, кто находитъ подлѣ себя согрѣвающее сердце матери, нѣжнаго и вѣрнаго друга, къ которому всегда можно прибѣгнуть, въ которомъ всегда встрѣчаешь неизмѣнную симпатію, вѣчную заботливость, безконечное снисхожденіе къ своимъ слабостямъ, добрый совѣтъ, надежную опору въ испытаніяхъ. Я такъ цѣню это счастье, что не желаю его утратить, хотя бы мнѣ сулили другое и описывали его самыми яркими красками“.

Одна эта страница достаточно характеризует Каченовского: такъ любить и такъ цѣнить привязанность къ себѣ другихъ людей могутъ только сильныя души. Искренно и радостно дѣлится онъ со старухой-матерью всѣми впечатлѣніями своими за границей. „Жизнь моя въ Парижѣ, сообщаетъ онъ ей въ томъ-же письмѣ, стала въ послѣднее время интереснѣе и разнообразнѣе. Открылись лекціи; я познакомился съ нѣкоторыми профессорами и даже приглашенъ былъ на-вечеръ, что французъ дѣлаетъ рѣдко, въ знакъ особеннаго благоволенія. Но самый обыкновенный мой пріютъ все-таки салонъ Madame Mohl (г-жа Моля, жена извѣстнаго академика и оріенталиста Юлія Моля), и на дняхъ познакомился я съ англійскою писательницею, г-жею Гаскелль, которая, если помните, издала книгу о Шарлоттѣ Бронте. Я когда-то посылалъ статью объ этой книгѣ въ Русскій Вѣстникъ... Сама Гаскелль... ни-мало не похожа на синій чулокъ и безъ всякихъ претензій. Я желалъ бы, чтобы наши писательницы умѣли такъ держать себя. Другое пріятное знакомство я сдѣлалъ съ одною изъ лучшихъ здѣшнихъ пѣннистокъ, М-ме Тардье: она играетъ Бетховена такъ, что просто чудо“.

А вотъ еще страница въ другомъ письмѣ, изъ Берлина: „Я переслушалъ множество лекцій... и познакомился съ Геффтеромъ и Ранке. Послѣдній сдѣлалъ на меня впечатлѣніе хорошее; первый никакого не сдѣлалъ. Ранке не общителенъ, но привлекателенъ; Геффтеръ доступенъ, но не привлекателенъ. Это бываетъ не рѣдко... Изъ берлинскихъ профессоровъ нѣкоторые вмѣсто лекцій читаютъ Lehrbuch, что очень скучно. Исключеніе—Мишле, Гейдеманъ и Шталь. Послѣдній, не смотря на свою булгаринскую натуру, даровитъ. Онъ теперь либеральничаетъ, толкуетъ все объ Англіи и забылъ, повидимому, востокъ. Наружность его незавидна: маленькій господинъ въ бѣломъ галстухѣ, грязноватенькій, вертлявенькій, и—только; Мишле грандіозенъ, и былъ бы еще грандіознѣе, если-бы не актерствовалъ; Г—нъ уменъ, но съ плутоватымъ лицомъ. Гомейеръ только и толкуетъ, что о глоссахъ къ саксонскому зеркалу...“.

Страница эта драгоцѣнна для характеристики Каченовскаго: здѣсь вполне виденъ тотъ бойкій великорусскій юморъ, который составлялъ всегда одну изъ привлекательныхъ сторонъ въ натурѣ Д. И. Но не менѣе интересно и то, что мѣткая характеристика ученыхъ знаменитостей Германіи, адресованная къ университетскому товарищу, должна была непременно читаться старухѣ-матери. Нигдѣ и никогда не забывалъ онъ о ней!

Материнскій рассказъ о дѣтствѣ сына достаточно объясняетъ—гдѣ источникъ необыкновеннаго развитія сердечной стороны въ характерѣ

Каченовскаго. Не богатъ и не красивъ углами былъ домикъ, гдѣ увидѣлъ свѣтъ Дмитрій Ивановичъ; но не всякія палаты вмѣщали въ себѣ такую любовь, которою окруженъ былъ младенецъ отъ первой минуты своей жизни. „Рожденіе твое, пишетъ мать, большую радость принесло твоимъ родителямъ и всѣмъ роднымъ; нѣжная бабушка твоя еще задолго пріѣхала до рожденія и ждала съ большимъ неравнодушіемъ этого счастья, а при рожденіи такая радость ея овладѣла, что она, при взглядѣ на тебя, сдѣлалась какъ маленькій ребенокъ: молилась, плакала и смѣялась“. А вотъ еще нѣсколько строкъ, гдѣ просто, но прелестно нарисована сцена семейнаго счастья у колыбели Д. И. Каченовскаго. „На третій день, говоритъ мать, ты получилъ благодать святаго крещенія... И много было добрыхъ нашихъ знакомыхъ, которые привѣтствовали насъ своимъ усердіемъ и раздѣляли нашу радость... Двѣ недѣли ты лелѣлся на рукахъ нѣжныхъ родныхъ, и послѣ, благословя тебя со слезами, они уѣхали домой“.

Въ такой доброй средѣ началось развитіе мальчика—болѣзненнаго, какъ почти всѣ способныя дѣти. „Всевышній испытывалъ наше терпѣніе твоею болѣзнію, читаемъ мы въ материнскомъ дневникѣ: ты нѣсколько мѣсяцевъ былъ жестоко боленъ... Это стоило многихъ слезъ и безразсуднаго ропота. Теперь ты молись за нашу слабость!“. Впрочемъ, переживъ кризисъ, дитя окрѣпло, и въ началѣ второго года малютка—Каченовскій „хорошо говорилъ и зналъ уже карты натуральной исторіи“.

Въ исходѣ второго года жизни Д. И., надъ матерью и надъ ребенкомъ разразилось великое горе: умеръ отъ чахотки молодой еще отецъ Каченовскаго. Трудно читать безъ душевнаго волненія эту скорбную страницу въ дневникѣ матери. Повидимому, малютка-сынъ ея понималъ уже, по-своему, то несчастье, которое обрушилось такъ рано надъ дѣтскою головкой его... Отецъ—разсказываетъ мать сыну—прижималъ тебя къ больной груди, осыпалъ тебя поцѣлуями со слезами, а ты, какъ чувствовалъ, отвѣчая ему тѣмъ-же, говорилъ: „гдѣ у васъ болитъ?.. Богъ дастъ, пройдетъ!..“. Несмысленное участіе, но родное, раздирало души наши. Ты привѣтствовалъ и нѣжно просилъ доктора помочь отцу, говори такъ: „я вамъ заслужу за работу“.

Но умеръ отецъ, осужденный на неизбѣжную гибель отъ той-же болѣзни, которая свела сына, на нашихъ глазахъ, въ могилу. При погребеніи, двухлѣтній мальчикъ стоялъ на колѣняхъ, обращался къ матери, отиралъ ея слезы и самъ плакалъ. И было отъ чего плакать: для двухъ друзей—осиротѣвшей вдовы и ея ребенка—открывалась тяжкая доля всѣхъ бѣдняковъ; нужно было начинать упорную борьбу за существованіе!

И читаемъ мы въ дневникѣ, какъ маленькій другъ помогаль своей матери въ различныхъ заботахъ и случайностяхъ суровой ея жизни: „послѣ кончины отца, мы перешли въ свой старый домикъ; ты пособляль мнѣ по силѣ твоей...“. Такимъ образомъ мать имѣла право написать: „здѣсь-то ты служилъ мнѣ большою отрадою“.

Игры мальчика, о которыхъ разсказано въ дневникѣ, не лишены значенія для характеристики Д. И. Каченовскаго: видно, что онъ рано полюбилъ живопись. Другою любимою забавою ребенка служили концерты изъ колокольчиковъ, разной величины, которые накупили ему вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ его.

Невольно переношусь я къ иному, позднѣйшему періоду въ жизни Д. И. Каченовскаго и вижу, что вкусы и наклонности юноши и даже серьезнаго профессора ясно обозначались въ инстинктивныхъ влеченіяхъ ребенка. Извѣстна всѣмъ страсть Д. И. Каченовскаго къ музыкѣ и къ живописи. „Когда я въ первый разъ зашелъ на квартиру Д. И., весною 1848 г., сообщилъ мнѣ г. Павловичъ, онъ привѣтствовалъ меня радушно... Съ восторгомъ усѣлся Д. И. за плохое фортепіано, которое стояло у стѣны, разложилъ сонату Бетховена (помнится *As dur*) и началъ играть. Игралъ онъ не артистически; гдѣ не выходило—подпѣвалъ, такъ-что лишь слѣдя по нотамъ, можно было составить себѣ понятіе о композиціи. Но Д. И. это не затрудняло вовсе: онъ, смотря въ ноты и наигрывая на фортепіано дрожащими пальцами, былъ въ такомъ настроеніи, какъ будто слышалъ самое отличное пѣніе. Такой неподдѣльный восторгъ, такое возсозданіе силою воображенія музыкальнаго произведенія составило характерную черту въ его любви къ музыкѣ. Имѣя передъ собою ноты, онъ уже глазами, такъ сказать, наслаждался, и ему все равно было, какъ бы піеса ни была исполнена. Эти черты представляютъ много сходства со способностью великихъ музыкантовъ тоже мысленно читать партитуру; но разница въ томъ, что такіе люди могутъ наслаждаться подобнымъ образомъ лишь въ тиши... Д. И., напротивъ, мирился со всякимъ исполненіемъ,—и это осталось въ немъ навсегда“.

Изъ всѣхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Д. И. Каченовскаго видно, что умственное развитіе ребенка пошло очень быстро; читать и писать на пятомъ году было для него игрушкою. Первою настольною книгою у ребенка была священная исторія, которую мальчикъ перечитывалъ, по словамъ матери, много разъ и съ особеннымъ усердіемъ; но что особенно любопытно—любилъ толковать прочитанное другимъ. Первую аудиторію будущаго профессора составляли родные и знакомые, но, за неимѣніемъ такихъ излюбленныхъ слушателей, ребенокъ обращался къ

прислугѣ и платилъ ей „по грошу за внимательность“. Разсказъ объ этомъ слышалъ я однажды отъ самого Д. И., который смѣясь говорилъ, что въ то время онъ не считалъ безнравственнымъ дѣломъ подкупать свою аудиторію.

Опять видимъ мы, какъ ребенокъ проявилъ въ своихъ наклонностяхъ то, что сдѣлалось страстью—любимымъ занятіемъ всей послѣдующей его жизни. Хорошою, цѣльною и энергическою натурою родился на свѣтъ Божій Д. И. Каченовскій!

Вѣрность Каченовскаго самому себѣ, всѣмъ своимъ убѣжденіямъ и привязанностямъ, отъ ранней поры и до могилы, поразительна. Такъ, дѣйствительно, цѣнилъ онъ выше всего и всегда свое призваніе учителя. И никакія неудачи въ жизни, никакія ошибки въ людяхъ не поколебали основного фонда горячей и поэтической души этой! Такъ, между-прочимъ, мать Д. И. пишетъ въ дневникѣ, что сынъ ея съ дѣтства былъ страстнымъ любителемъ простыхъ русскихъ пѣсень. Въ теченіе многихъ лѣтъ и постоянныхъ нашихъ отношеній, имѣлъ я случай не разъ убѣдиться, что русская мелодія оказывала магическое дѣйствіе на Д. И.: лицо его мгновенно свѣтлѣло и слетала съ него хандра, нерѣдко гостившая на душѣ Каченовскаго. Никогда не забуду я, какое удовольствіе доставилъ Д. И. куплетъ изъ пѣсни „Дубрава шумитъ“, удачно спѣтый на австрійско-дунайскомъ пароходѣ однимъ товарищемъ по путешествію. Каченовскій, что называется, просіалъ,—забылъ о толпѣ шумныхъ и циническихъ молдо-валаховъ, которые безчинствовали въ столовой каютѣ парохода: и былъ веселъ до поздняго вечера, не смотря на разыгравшуюся вакханалію юныхъ румыновъ.

Просто и трогательно разсказанъ у матери первый выходъ Д. И. изъ родного дома въ школу: благочестиво, серіозно и по старинному обряду совершила любящая мать этотъ важный актъ въ жизни своего ребенка: „Добрый пастырь—пишетъ она—осѣнилъ тебя животворящимъ крестомъ, прочтя молитву при начатіи ученія и окропя тебя святою водою, мы отвели тебя въ народное училище: тамъ новые, добрые наставники тебя приняли ласково“.

Ласковость педагоговъ имѣла основаніе. Шестилѣтній мальчикъ горячо и толково принялся за ученіе. И черезъ 40 лѣтъ видно еще въ дневникѣ то счастье, которое доставляли любящей матери успѣхи сына. Здѣсь ты—одушевленно пишетъ она, бесѣдуя съ дорогимъ своимъ Митей—подобно деревцу въ прекрасное время весны развертывался въ понятіяхъ съ каждымъ днемъ, и каждый годъ, какъ цвѣтокъ, расцвѣталъ къ публичному экзамену... Въ эти дни я забывала все и была, кажется, счастливѣе всѣхъ смертныхъ“.

Черезъ три года (т. е. 9-ти лѣтъ отъ роду) окончилъ Д. И. курсъ народной школы, и его перевели въ Орелъ, гдѣ помѣстили въ несуществующее теперь канцелярское училище для спеціального приготовленія къ служебной профессіи. Вдовѣ Каченовскаго оказалъ при этомъ содѣйствіе П. К. Ѳедоровъ, бывшій тогда директоромъ училищъ въ Орлѣ, а позже, въ началѣ 50 годовъ, въ Курскѣ. Нужно думать, что содѣйствіе Ѳедорова было необходимо для борьбы со многими препятствіями и затрудненіями, такъ-какъ дневникъ В. К. Каченовской внезапно обрывается здѣсь скорбною фразою: „въ Орлѣ я много перетерпѣла всего“...

II. Гимназія. Студенческая жизнь. Первый періодъ профессуры.

Обученіе въ Орлѣ, а затѣмъ въ Харьковѣ, куда скоро перевели Д. И. казеннокоштнымъ воспитанникомъ въ пансіонъ при 1-й гимназіи, составляетъ одинъ изъ наименѣе извѣстныхъ мнѣ періодовъ въ жизни Каченовскаго. Здѣсь уже не было возлѣ него любящей матери, которая такъ хорошо отмѣтила своею вѣрною рукою первые шаги умственного и душевнаго развитія въ сынѣ. Изъ бывшихъ въ ту пору гимназическихъ педагоговъ я не зналъ и не знаю никого, кто могъ бы сообщить свои воспоминанія о даровитомъ мальчикѣ, который въ гимназіи учился такъ-же хорошо, какъ и въ народной школѣ, и прослылъ бойкимъ диалектикомъ и великимъ начетчикомъ между товарищами. Самъ Д. И. очень строго судилъ себя, когда касался воспоминаній о гимназической своей жизни. „Во мнѣ сидѣлъ тогда, рассказывалъ онъ, тотъ бѣсъ, который всегда почти вселяется въ мальчугановъ отъ 12 до 15 лѣтъ. Я былъ юрокъ и надоедливъ до крайности; чувствовалъ даже не малую склонность къ дракѣ, которой и удовлетворялъ по-временамъ, не заботясь о педагогахъ, глубоко довѣрившихъ въ ту пору нравственной силѣ розги. Саркастическая жилка орловскаго человѣка разыгрывалась во мнѣ неудержимо, и жертвою ея становились, какъ товарищи, такъ, увы! въ нѣкоторыхъ случаяхъ кое-кто и выше... Однажды посмѣялся я надъ нетрезвымъ видомъ одного изъ менторовъ, но посмѣялся такъ безтактно и громко, что былъ радъ-радешенекъ, отдѣлавшись заключеніемъ *in carcere durissimo*... При болѣе строгомъ вѣнненіи, могло воспослѣдовать роковое: „удалить, съ тѣмъ, дабы не принимать въ другое заведеніе“, т. е. тотъ несчастный способъ наказанія, который почти всегда обращалъ простыхъ шалуновъ въ бесполезныхъ и даже вредныхъ людей для общества“.

Припоминаю я также, что, говоря о начальникахъ своихъ и учителяхъ, Д. И. съ участіемъ и симпатіей отзывался о директорѣ Кор-

женевскомъ (извѣстномъ польскомъ драматургѣ—человѣкѣ разносторонняго и солиднаго образованія). Доброе ученическое воспоминаніе вынесъ онъ также объ урокахъ г. Тихоновича по латинскому языку, который Д. И. очень любилъ и хорошо зналъ къ концу гимназическаго курса, и затѣмъ объ урокахъ г. Лапушанскаго по математикѣ, которой никогда не любилъ. Въ послѣднемъ случаѣ предметомъ симпатіи была не столько наука, сколько личность преподавателя, который пережилъ, отставнымъ ветераномъ-педагогомъ, блестящаго ученика своего. Работая главнымъ образомъ по иностраннымъ языкамъ, по исторіи, географіи и русской литературѣ (которую любилъ страстно и зналъ съ такою основательностію, что, до послѣдняго времени, съ легкостію воспроизводилъ цѣлыя страницы изъ Пушкина и др. писателей), Д. И. ревностно занимался музыкой. Руководителемъ его въ этомъ отношеніи былъ К. И. Беноа, хорошій учитель и знатокъ музыки. Д. И. учился у него на флейтѣ и успѣлъ до-того, что игралъ однажды въ оркестрѣ, составленномъ изъ гимназистовъ для публичнаго акта. Дни эти были настоящими праздниками для тогдашнихъ гимназистовъ, благодаря почетному попечителю Ѳ. К. Шреттеру, очень хорошему и симпатичному человѣку. Если не ошибаюсь, покойный Шреттеръ зналъ и цѣнилъ Д. И. какъ даровитаго ученика и приглашалъ его къ себѣ, съ обычнымъ своимъ радушіемъ, вмѣстѣ съ другими лучшими воспитанниками гимназіи.

Пятнадцать съ половиною лѣтъ, Д. И., удостоенный золотой медали, вышелъ изъ гимназіи и поступилъ на первый курсъ юридическаго факультета съ особаго разрѣшенія попечителя, графа Головкина, потому что недоставало полугода до законнаго срока для принятія юноши въ число студентовъ.

Немногое извѣстно мнѣ и о студенческомъ періодѣ Д. И. Но кажется, что время въ началѣ 40-хъ годовъ, когда надѣлъ Д. И. голубой съ серебромъ воротникъ, уподоблявшій тогдашнихъ студентовъ офицерамъ прусской гвардіи, можетъ быть названо эпохою „Drang und Sturm“ въ жизни Каченовскаго. То было своеобразное время, о которомъ невозможно составить себѣ понятія по теперешнимъ нравамъ университетской молодежи. Образованная часть всего русскаго общества ближе стояла къ эпохѣ романтизма—ученая литература и журналистика отличались особенною сдержанностію; лишь изрѣдка пробѣгала сверкающимъ огонькомъ мысль Вѣлинскаго; разыгрывалъ Демокрита, въ своей Библіотекѣ для чтенія, злой и юркій Сенковский, да жужжала въ газетномъ мірѣ Сѣверная Пчела, въ редакціи которой плакалъ крокодильевыми слезами неискренняго патріотизма Ѳаддей Булгаринъ, негодую за строгій отзывъ Маркиза Кюстина о тогдашней Россіи.

Наиболѣе умственной жизни сосредоточивалось въ Москвѣ, гдѣ однако же все движеніе ушло въ кружки, хорошую и слабую стороны которыхъ талантливо охарактеризовалъ, въ одномъ изъ разсказовъ своихъ, И. С. Тургеневъ. Окончательно складывались, состязаясь между собою, школы западниковъ и славянофиловъ.

Въ Харьковѣ литературная жизнь стояла тогда на точкѣ замерзанія, и не думаю, чтобы могъ произвести желанную оттепель приговоръ о сожженіи магистерскаго труда (объ уніи), написаннаго однимъ изъ даровитѣйшихъ представителей современной исторической литературы въ Россіи.—Что касается университетской молодежи, то въ ту пору не наступало еще салоннаго періода, процвѣтавшаго въ началѣ 50-хъ годовъ, когда студентовъ сортировали по ихъ росту и по довкости мундирнаго покрою, приглашая не обременять себя головолomными науками, почаще являться на танцевальныхъ вечерахъ и на балахъ въ дворянскихъ собраніяхъ. Не думаю, чтобы Д. И. Каченовскому пришлось выдерживать тѣ инквизиторскіе осмотры мундира и эфеса шпагъ, чему неумолимо подвергались, со стороны военного инспектора, студенты въ началѣ 50-хъ годовъ.

Нѣтъ, между сверстниками Каченовскаго господствовала иная жизнь и попадались среди студентовъ того времени иные характеры и типы. Я зналъ одного изъ нихъ, уже гораздо позже, женатымъ человѣкомъ и съ голодною семьею на шеѣ. Судьба неумолимо преслѣдовала бѣдняка, но онъ все еще пѣлъ свои свѣтлыя беранжеровскія пѣсни и встрѣчалъ каждую новую неудачу—а онъ безпрестанно сыпались на него—съ такимъ-же благодушіемъ, съ какимъ произносилъ свое—*„Bonjour, mon guignon“* (здравствуй горе мое, злѣшастіе) извѣстный неудачникъ-студентъ въ *„Miserables“* у Виктора Гюго. Живѣ помню разсказъ Д. И. еще объ одномъ изъ современныхъ ему студентовъ, который имѣлъ несчастье серьезно полюбить крѣпостную дѣвушку, но не вынесъ борьбы изъ-за своего чувства и погибъ, заливши виномъ обширныя познанія и первоклассное дарованіе поэта.—Но не такъ симпатично было большинство сверстниковъ Каченовскаго по университету; между ними чаще встрѣчались порывистыя и безхарактерныя натуры, безпричинно предававшіяся грубымъ кутежамъ, которые фатально совпадали съ каждою присылкою денегъ изъ родительскаго дома. На почвѣ, пропитанной крѣпостнымъ правомъ, дѣйствовало вліяніе искаженнаго романтизма, эротическихъ пѣсень Беранже, дебелыхъ легендъ о нѣмецкихъ буршахъ и мѣстныхъ гимновъ буйно-вакхическаго свойства. Безпорядочны и неряшливы были нравы, которые создавала эта странная смѣсь въ студенческомъ мірѣ! И нѣтъ ничего мудренаго, если подобная обста-

новка помѣшала Д. И. принятыя сразу и на первомъ курсѣ за тѣ серьезныя занятія, которыми наполнены были три остальные года студенческой его жизни. Впрочемъ, идеализмъ и деликатность художественной натуры не покидали Д. И. въ чадѣ самыхъ шумныхъ и разнузданныхъ оргій. Скоро освободился онъ совершенно отъ вліянія домогренныхъ буршей и рѣшительно примкнулъ къ тому меньшинству работающихъ и зрѣлыхъ студентовъ, которые всегда составляли лучшую силу—плоть и кровь университетскихъ аудиторій.

Разъ начавши работу, Д. И. никогда уже не покидалъ ея, а старался доводить до конца. Помнится мнѣ со словъ Каченовскаго, что изъ предметовъ университетскаго курса прежде всего онъ обратилъ вниманіе на римское и на гражданское право. Уголовное право слушалъ Д. И. у даровитаго и рано умершаго проф. Г. С. Гордѣнко, только что вернушагося тогда изъ-за границы. Энциклопедіей, философіей права и исторіей германскаго права занимался Каченовскій, весьма много пользуясь совѣтами и руководствомъ А. И. Палюмбецкаго, бывшаго очень долгое время слушателемъ Ганса и Савиньи. Здѣсь-то возникла между студентомъ и уважаемымъ профессоромъ нравственная связь, которая впоследствии скрѣплена была совмѣстною борьбою противъ пансіонерства и другихъ застарѣлыхъ злоупотребленій въ тогдашнемъ юридическомъ факультетѣ. Съ уваженіемъ и восторгомъ говорилъ всегда Д. И. о чтеніяхъ по всеобщей исторіи (особенно по исторіи Востока и Греціи) проф. Лунина—даровитаго ученика первоклассныхъ историковъ Германіи. По какому то роковому закону для Харькова, Лунина, подобно Г. С. Гордѣнко и самому Каченовскому, умеръ еще молодымъ человекомъ отъ чахотки, въ Кіевѣ! Международное право читалъ Дмитрію Ивановичу проф. Степановъ—человѣкъ весьма образованный, о преподавательскомъ талантѣ котораго симпатично отзывались всѣ студенты того времени.

Занимаясь серьезно и ровно всѣми факультетскими предметами, Д. И. находилъ время для изученія ново-европейскихъ языковъ. Вкусъ его къ изящной литературѣ окрѣпъ и получилъ болѣе широкое развитіе въ произведеніяхъ англійскихъ писателей. Кажется даже, что къ послѣднимъ годамъ студенческой жизни Д. И. относится переводъ байроновскаго Марино Фаліери бѣлыми стихами, о достоинствѣ которыхъ я недавно слышалъ хорошій отзывъ отъ одного изъ ближайшихъ сверстниковъ Д. И. Музыка продолжала по прежнему составлять видную часть въ программѣ работъ Каченовскаго.

Въ 1847 году получилъ онъ дипломъ кандидата правъ и тогда же приглашенъ отъ факультета готовиться къ экзамену на магистра. Но

не рѣшусь сказать—по какому именно предмету началъ свои спеціальныя занятія Каченовскій? Помню одинъ отрывочный рассказъ его о томъ, будто международное право избрано было послѣ довольно продолжительныхъ и усердныхъ работъ надъ источниками и литературой римскаго и гражданскаго права. Во всякомъ случаѣ, окончательный выборъ специальности оказался вполне удачнымъ на защищеніи магистерской диссертациі „О владычествѣ надъ морями“. Я живо помню этотъ, впервые видѣнный мною, диспутъ на высшую ученую степень въ университетѣ. Сильное впечатлѣніе сдѣлала на меня личность Д. И. Каченовскаго. Энергическая голова его съ тонкимъ орлинымъ носомъ à la Шиллеръ; умный его лобъ съ характерными морщинками, которыя то набѣгали, то сглаживались и точно уходили подъ густыя пряди темно-русыхъ, юношески-красивыхъ волосъ,—его тонкій, нѣсколько наклоненный станъ, одѣтый въ черный, пуритански-скромный фракъ,—его бойкія цитаты цѣлыми тирадами изъ Гуго-Грота, Сельдена, Бенкерсгуга и фрагментовъ родосскаго закона въ отвѣтъ на строгія и методическія возраженія покойнаго профессора А. Н. Мицкевича, превосходнаго знатока римскаго права: вся эта академическая сцена на всегда осталась въ моей памяти и до сихъ поръ отчетливо рисуется передо мною.—Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я сидѣлъ уже на студентской скамьѣ и съ жадностію слушалъ Каченовскаго по историческому отдѣлу энциклопедіи законовѣдѣнія, которая поручена была Д. И. вслѣдствіе назначенія А. И. Палюмбецкаго ректоромъ отъ короны.

Несомнѣнное профессорское дарованіе Каченовскаго обнаруживалось и на этихъ лекціяхъ, хотя онѣ читались по предмету, которымъ Д. И. спеціально не занимался: главною силою его были и остались до конца лекціи по международному праву. Студенты скоро полюбили и стали искренно уважать Каченовскаго, хотя многіе изъ моихъ товарищей испытывали ребяческій страхъ при взглядѣ на строгую наружность молодого, но серіознаго профессора. Помнится мнѣ, что въ 1849 и 1852 годахъ, когда происходили извѣстныя событія во Франціи, Австріи, Германіи, какой то особенный, очень грустный отпечатокъ часто появлялся на выразительномъ лицѣ Каченовскаго: онъ походилъ иногда на человѣка, который только что испыталъ тяжелое разочарованіе или снесъ въ могилу кого-то, весьма близкаго. Чуткимъ, юношескимъ инстинктомъ подмѣтилъ это я на лицѣ Д. И.; но лишь позже могъ сознательно объяснить себѣ заинтересовавшее меня психическое состояніе уважаемаго профессора...

Юридическіе факультеты того времени были немногочисленны; только что прошелъ законъ о нормальномъ числѣ 300 студентовъ, и самъ Ма-

ниловъ не дерзнулъ бы грезить тѣми золотыми снами о судебной и адвокатской карьерѣ, которые сдѣлались такою пріятною дѣйствительностію и главною приманкою для современныхъ студентовъ.

Но была одна хорошая сторона въ узкости практическаго горизонта для студентовъ 50-хъ годовъ въ Россіи: аудиторіи были малолюдны, на скамьяхъ сидѣла молодежь, зятая въ военные вицъ-мундиры—и въ этомъ, конечно, не было ничего привлекательнаго; но силенъ былъ процентъ людей, интересовавшихся ученіемъ не изъ однихъ хлѣбныхъ расчетовъ. Международное право не откидывалось въ сторону на томъ основаніи, что изученіе вопросовъ о нейтралитетѣ или о военныхъ конвенціяхъ не пригодно для какого нибудь узловатаго дѣльца о векселяхъ передъ мировымъ судьей.

Личное мое знакомство съ Д. И. началось не ранѣе второго года пребыванія моего въ университетѣ и произошло по случаю распродажи книгъ изъ библіотеки покойнаго Г. С. Гордѣнко. Д. И. очень ласково пособилъ мнѣ выбрать нѣсколько сочиненій, которыя, по его мнѣнію, могли быть полезными для моихъ занятій. Съ этой поры сталъ я бывать у него на-дому, въ маленькой квартирѣ, заваленной грудой книгъ и нотъ, при неизбѣжномъ фортепіано. Каченовскій очень хорошо понималъ натуру молодежи, которая часто начинаетъ работать по одному личному впечатлѣнію на нее отъ профессора, и потому всегда старался сближаться со студентами. И нужно сознаться, что такая педагогическая политика составляла пріятную новость. Въ ту пору, за исключеніемъ Каченовскаго и еще одного уважаемаго профессора, преобладали на юридическомъ факультетѣ совсѣмъ иные нравы; легче было получить отъ иного педагога, за дорогую цѣну, квартиру на профессорскомъ чердакѣ, чѣмъ добиться разрѣшенія на какую-нибудь книгу изъ библіотеки. И понятно: для перваго нуженъ былъ студенту очень опредѣленный имущественный цензъ, а для втораго—одно невѣсомое, хотя и весьма почтенное желаніе учиться. Никогда не забуду я громового отказа на просьбу объ извѣстномъ сочиненіи Адама Смита, отказа, который изрекъ мнѣ могучимъ голосомъ профессоръ, временно читавшій политическую экономію въ памятный годъ, когда, по выраженію одного моего товарища поэта, „на философію надѣли камялавку“.

Помню также не менѣе рѣшительный отказъ въ извѣстной книгѣ Росси (*Droit pénal*) со стороны профессора, который тогда преподавалъ намъ временно, по чужимъ запискамъ, уголовное право. Прибавлю еще, что сближеніе со студентами было, до извѣстной степени, дѣломъ гражданскаго мужества со стороны Д. И.: находились люди, которые заговаривали тайно и явно объ исканіи популярности и т. д.

А всякому извѣстно, что подобныя рѣчи получаютъ подѣ-часъ весьма ядовитую силу.

Въ послѣднемъ году университетскаго курса отношенія мои къ Д. И. получили уже вполне дружественный и близкій характеръ. Ему извѣстны были многіе мои личные интересы, и глубокая благодарность будетъ всегдашнимъ чувствомъ моимъ за нравственную поддержку, которую находилъ я всегда у этого человѣка. О книжныхъ занятіяхъ моихъ нечего и говорить: ими особенно серьезно, даже настойчиво, интересовался Д. И.

Не смотря на многія невыгодныя условія, при которыхъ, по различнымъ причинамъ, должна была идти, въ началѣ 50-хъ годовъ, профессорская дѣятельность Д. И., періодъ этотъ не кажется мнѣ худшимъ временемъ въ жизни Каченовскаго. Чѣмъ суровѣе складывались вѣншія обстоятельства, чѣмъ бессодержательнѣе и печальнѣе была вся окружающая среда, тѣмъ сильнѣе и цѣльнѣе погружался Каченовскій въ богатый свой внутренній міръ. Ежедневно шли прекрасныя оживленныя и серьезныя лекціи; готовилась докторская диссертация „О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ“, собирался и обдумывался матеріалъ для многочисленныхъ статей и этюдовъ, которые весьма скоро послѣдовали одинъ за другимъ, какъ только наступили свѣтлыя начальные годы настоящаго царствованія. И тутъ же, среди всѣхъ этихъ работъ, съ любовью отдавался Д. И. занятіямъ музыкою. Къ этому времени относится развитіе дружественныхъ отношеній Д. И. съ тремя личностями, которыя имѣли несомнѣнное вліяніе на художественное образованіе Каченовскаго: я разумѣю князя Н. Б. Голицына, Е. А. Звѣреву и В. А. Квитку.

Всѣ они теперь въ могилѣ, но тогда были лучшею, дѣйствительною красою харьковскаго общества. Покойный князь Голицынъ былъ замѣчательно хорошимъ віолончелистомъ и обладалъ большимъ музыкальнымъ образованіемъ. Въ дни юности блестящій и умный вельможа русскій былъ почтенъ дружбой Бетховена, между квартетами котораго три (и притомъ лучшихъ) посвящены князю Н. Б. Голицыну. Въ его харьковскомъ салонѣ былъ одинъ изъ тѣхъ артистическихъ пріютовъ, которые умѣлъ съ особеннымъ счастьемъ находить себѣ Д. И. и глубоко наслаждаться въ нихъ любимымъ своимъ искусствомъ. Помню, что встрѣчалъ я и въ скромномъ кабинетѣ Д. И. высокую и величавую фигуру князя старика съ остатками замѣчательной и симпатичной красоты. Е. А. Звѣрева, которую я никогда не встрѣчалъ, но о которой слышалъ очень много, жила исключительно для искусства; всѣ знавшіе ее отзываются о ней, какъ о замѣчательной піанисткѣ. Обладая превосходнымъ роялемъ и богатою коллекціей нотъ, Е. А. Звѣрева отлича-

лась рѣдкою способностью выполнять (и выполнять восхитительно), въ теченіе десяти и болѣе часовъ сряду, лучшія произведенія классической музыки. Понятно, какіе восторги долженъ былъ переживать тогда Каченовскій, этотъ энтузіастъ-любитель Гайдна, Бетховена, Мендельсона, Баха и друг. германскихъ *maëstri*. Вліяніе игры г-жи Звѣревой, ея тонкаго *toucher* и серіознаго вкуса на музыкальные успѣхи Д. И. несомнѣнно. Дружба Каченовскаго съ талантливою артисткою оставила по себѣ еще одинъ добрый слѣдъ: подъ нравственнымъ вліяніемъ Д. И. составлено было духовное завѣщаніе, въ которомъ Е. А. Звѣрева отпустила на волю всѣхъ дворовыхъ людей своихъ, надѣливъ ихъ землею.

Но между всѣми этими отношеніями едва ли не первое мѣсто занимаетъ, по своей продолжительности и искренности, дружба Д. И. съ покойнымъ В. А. Квиткой. Знакомство ихъ началось еще въ концѣ 40-хъ годовъ, и симпатія, возникшая между двумя людьми, совершенно разнохарактерными, честно снесена каждымъ изъ нихъ въ могилу. Нечего и говорить, что связью между ними служило, общее имъ, поклоненіе искусству. Впрочемъ, то, что слышалъ я отъ Каченовскаго и отъ многихъ другихъ, даетъ мнѣ право заключать, что В. А. Квитка обладалъ разностороннимъ и серіознымъ образованіемъ. Много разъ и по долгу живаль онъ за границей; но жизнь эта не прошла въ безцѣльномъ кочеваніи по отелямъ, какъ случалось это зачастую со многими „*Boyards russes*“ въ чужихъ краяхъ. В. А. Квитка не даромъ былъ племянникомъ извѣстнаго Основьяненко и прослушалъ цѣлый рядъ курсовъ въ *Collège de France* въ лучшую пору этого учрежденія, когда читали тамъ лекціи Кузень, Вильменъ, Гизо, Мишле и др. Но кромѣ этого, В. А. Квитка былъ глубокимъ знатокомъ и тонкимъ цѣнителемъ музыки, живописи и архитектуры. Вкусъ и опытность его въ этомъ отношеніи были по-истинѣ замѣчательны. Коллекція картинъ въ загородномъ домѣ на Основѣ, хорошо извѣстная многимъ лицамъ въ Харьковѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія. И весьма вѣроятно, что бесѣды съ В. А. Квиткою, въ виду многихъ и цѣнныхъ произведеній на стѣнахъ гостепріимнаго дома, заронили ту искру, которая разгорѣлась въ Каченовскомъ до серіозной страсти къ живописи, какъ только вступилъ онъ на почву Италіи. „Народъ этотъ, писалъ Д. И. въ 1859 г. изъ Турина, привлекателенъ своею музыкальністю... Кромѣ того, всѣ италіянцы—живописцы, или по крайней мѣрѣ знаютъ толкъ въ картинахъ. А какія это картины! Просто удивленіе. *Благодатная почва Италіи пристрастила и меня къ живописи...* Еще дрезденская галлерія открыла мнѣ глаза; въ Парижѣ надѣюсь еще болѣе насладиться и поучиться этому искусству. Конечно, рисовать мнѣ уже поздно; я въ гимназій

остановился „на ухахъ“ и дальше не пошелъ, даже былъ посаженъ въ карцеръ за неудачный эскизъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать красоту въ произведеніяхъ великихъ художниковъ“.

III. Заграничное путешествіе и послѣдніе годы жизни Д. И.

Въ 18⁵⁸/₅₉ годахъ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій въ жизни Каченовскаго: онъ уѣхалъ на 1¹/₂ года за границу. „Цѣль путешествія моего, говорилъ Д. И., съ самаго начала была опредѣлена твердо и ясно“. Каченовскій имѣлъ право сказать это. Путешествіе было для него не забавою, а серіознымъ дѣломъ; на приготовленіе къ нему потрачено было много думъ и тщательныхъ работъ. Созерцательную и художественную натуру любознательнаго профессора давно уже манила къ себѣ цивилизація запада, гдѣ наука, искусство, государственные и социальныя интересы вошли изстари, споконъ-вѣка, въ жизненный обиходъ, гдѣ сама исторія сгруппировала, въ заманчивомъ разнообразіи оттѣнковъ и формъ, весь матеріалъ специальныхъ и любимыхъ наукъ его. „Я поставилъ для своей поѣздки двѣ главныя задачи, писалъ Д. И.: первая изъ нихъ заключалась въ томъ, чтобы ознакомиться съ современнымъ состояніемъ международного права; вторая въ томъ, чтобы дополнить мои свѣдѣнія въ государственныхъ наукахъ вообще. Къ этимъ двумъ задачамъ скоро присоединилась третья. Въ мартѣ 1858 года совѣтъ университета увѣдомилъ меня, что преподаваніе государственнаго права Европейскихъ державъ будетъ поручено мнѣ по возвращеніи изъ-за границы. Чтобы приготовить себя къ исполненію этой новой обязанности, я долженъ былъ расширить кругъ моихъ занятій, именно: изучать политическую жизнь, дѣлать наблюденія надъ учрежденіями по крайней мѣрѣ передовыхъ народовъ западнаго міра“.

Въ настоящее время, результаты путешествія Д. И. ясно раскрываются передъ нами: наглядное, живое ознакомленіе серіознаго ученаго съ Англіею и другими странами Европы благопріятно отразилось на томъ курсѣ государственнаго права Европейскихъ державъ, который былъ читанъ нѣсколько разъ въ продолженіи времени отъ 1860 года до кончины профессора Каченовскаго. Мертвенность знанія—эта ржавчина исключительно книжной учености—была бы особенно вредна при чтеніи государственнаго права Европейскихъ державъ, но такого порока не могло явиться у профессора Каченовскаго именно потому, что онъ многое видѣлъ и изучилъ на мѣстѣ, самостоятельно, безъ всякихъ предвзятыхъ и навязанныхъ мнѣній. Впрочемъ, лучшимъ средствомъ убѣдиться къ томъ будетъ хотя бѣглое знакомство съ путевыми записками Д. И. за 18⁵⁸/₅₉ годы. „Осмотрѣвши Ливерпуль и его рынокъ,

пишетъ онъ ¹⁶/₂₈ апрѣля 1859 г. въ одномъ изъ первыхъ 2-хъ рукописныхъ томовъ путевыхъ своихъ замѣтокъ, я увлекся выборами и былъ очень радъ, что попалъ въ комитетъ... Нѣкто *Брантъ*, молодой человекъ, кончившій курсъ въ Кембриджѣ, объяснилъ мнѣ отчасти то, что меня занимало“.

„При отправленіи выборовъ, каждая партія составляетъ комитеты, назначаетъ агентовъ, чтобы дѣйствовать на избирателей, обнародываетъ адреса и назначаетъ то, что называется canvassing. Законы въ послѣднее время очень ограничили подкупы, однакоже креатуры выборовъ—electioneering agents (выборные агенты)—обходятъ всякаго рода запрещенія. Лорды тоже приказываютъ своимъ „tenants“ вотировать въ пользу извѣстныхъ кандидатовъ, грозя въ противномъ случаѣ выгнать ихъ: тѣ, конечно, покоряются. Отсюда происходятъ странныя явленія: tenantry мѣняетъ свой цвѣтъ, смотря по характеру лорда и его образу мыслей (т. е. бываетъ попеременно тори или вигами). Между тѣмъ законъ запрещаетъ даже выставлять имя лорда въ числѣ членовъ какого нибудь комитета. Въ послѣднее время были учреждены electioneering auditors для повѣрки счетовъ комитетовъ и для того, чтобы узнать, честно ли они дѣйствовали? Какъ бы то ни было, издержки на выборы съ борьбою (of contested elections) очень велики и обходятся иногда до 10,000 ф. стерлинговъ. *Думаю, что безъ подкуповъ трудно было бы затратить такую сумму. Вѣроятно, подкупы производятся косвенно..*“.

Послѣ этихъ замѣчаній (въ нихъ нѣтъ и тѣни пристрастія или англоманіи, за которыя иногда корили покойнаго профессора), Д. И. пишетъ въ дневникѣ впечатлѣнія свои отъ второго дня наблюденій за ходомъ ливерпульскихъ выборовъ: „...Я былъ введенъ въ самый центръ того мѣста, гдѣ они производятся (of the hustings). Толпа собралась большая и, по временамъ, прерывала своимъ крикомъ рѣчи. Мы пошли гуськомъ (я сопровождалъ Юарта, либеральнаго кандидата). Тори приѣхали въ каретѣ. Таковъ обычай партій: виги держатъ себя проще и ближе къ народнымъ правамъ; напротивъ, тори аристократничаютъ. Избирательная платформа (hustings) раздѣлена на 2 половины, по старому преданію (чтобы партіи не подрались); такая же преграда находится вѣ въ возвышенія между толпою. У барьеры стоитъ полиція, чтобы охранять порядокъ, она впрочемъ не мѣшаетъ народу кричать и толпиться, внимательство ея незначительно. Дѣло началось чтеніемъ „Ouer“, старой норманской формулы, и какого то норманскаго статута; потомъ мэръ, почтенной наружности купецъ, прочелъ прокламацію королевы. Затѣмъ выступили тори; одинъ изъ нихъ говорилъ очень недурно; послѣ два либерала сказали довольно слабый адресъ. Народъ между тѣмъ

высказывалъ симпатію къ Брайту, къ баллотировкѣ и т. д. По окончаніи адресовъ выступилъ консервативный кандидатъ Горсфоллъ (Horsfall) и сказалъ очень бойкую рѣчь. Самая наружность этого человѣка внушаетъ довѣріе; говоритъ онъ съ убѣжденіемъ и силою. Юарта слово было далеко не такъ интересно. Горсфоллъ говорилъ обо всѣхъ живыхъ вопросахъ Англіи, высказывалъ довѣріе къ министрамъ, хвалилъ солиситора Кэрна, очень искусно высказалъ, что не будетъ противиться расширенію избирательныхъ правъ (extension of the right of voing), упомянулъ о ливерпульскомъ shipping interest.... и наконецъ, о войнѣ. Рѣчь Юарта показалаcя мнѣ далеко менѣе интересною и удачною... *Во все время выборовъ обѣ партіи соблюдали приличіе и вѣжливость, даже народъ не позволилъ себѣ ничего, кромѣ временныхъ, случайныхъ восклицаній. Я ушелъ съ крѣпкимъ убѣжденіемъ, что англичане умѣютъ пользоваться своею свободою.* Даже эта грубая, повидимому, толпа держитъ себя лучше, чѣмъ можно ожидать по ея наружности. Она понимаетъ хорошо, что теперь рѣчь идетъ о ней и ея правахъ, и только поэтому шумитъ. Что касается джентльменовъ, они кажутся хладнокровными къ реформѣ“.

Я намѣренно извлекъ во всей полнотѣ эти двѣ страницы изъ тысячи другихъ не менѣе (если даже не болѣе) интересныхъ страницъ въ путевыхъ замѣткахъ профессора Каченовскаго. Бойкій русскій человѣкъ не потерялся въ иностранной толпѣ, на чужомъ и далекомъ берегу. Сразу сталъ онъ, что называется, на своихъ ногахъ, и, прекрасно ориентировавшись въ подробностяхъ, которыя сведены у него въ одну ясную и цѣльную картину, извлекъ оттуда все, что было нужно для обогащенія положительнаго матеріала своей науки. Сталкиваясь со множествомъ лицъ, самъ настойчиво домогаясь встрѣчи и сближенія съ видными дѣятелями изучаемой имъ страны, увлекаясь нерѣдко своимъ общительнымъ, но въ то же время нѣсколько саркастическимъ нравомъ, Каченовскій нигдѣ не упускаетъ главной своей нити и всегда дѣлаетъ опредѣленный, вполне цѣлесообразный выводъ. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ: послѣ описанной сцены выборовъ, Д. И. получаетъ приглашеніе на обѣдъ къ мэру Ливерпуля. Съ интересомъ является онъ въ собраніе городскихъ нотаблей; общество многочисленно, но судьба награждаетъ его на время обѣда сосѣдомъ — отставнымъ капитаномъ королевской арміи или гвардіи, который способенъ безтолково говорить, безъ начала и конца, объ одномъ „schooting and fisching“, т. е. объ удовольствіяхъ рыбной ловли и охоты.

Каченовскій терпѣливо выслушиваетъ британскаго Нимрода, добываетъ отъ него куріозный фактъ, что во время крымской войны

„англійскія няньки и мамки пугали маленькихъ дѣтей именемъ русскихъ“, и съ удовольствіемъ покидаетъ его для болѣе интересныхъ собесѣдниковъ. Рѣчь Горсфолла и здѣсь выручила Д. И., такъ какъ „другая рѣчь произнесена была однимъ начальникомъ корабля, который успѣлъ нализаться и едва двигалъ языкомъ...“. „...Особенно хорошо въ этомъ обѣдѣ то, что политическая вражда (political animosities) такъ скоро здѣсь забывается“, — оканчиваетъ Каченовскій вѣрною и общеинтересною замѣткою объ англійскихъ нравахъ юмористическій рассказъ свой о пиршествѣ у мэра „благороднаго города Ливерпуля“ (noble city of Liverpool).

Вообще путевыя замѣтки Каченовскаго представляютъ большой интересъ и поучительны даже въ томъ отношеніи, что наглядно объясняютъ, какъ слѣдуетъ путешествовать серіознымъ людямъ. Искусство это является у Д. И. во всей образовательной силѣ своей, и приходится только съ изумленіемъ смотрѣть на ту энергію и талантливость, съ которыми обнимаетъ Каченовскій, въ своихъ наблюденіяхъ, массу разнообразныхъ предметовъ. Одною изъ любопытнѣйшихъ частей въ запискахъ Д. И. объ Англіи показались мнѣ, между прочимъ, замѣтки о городскихъ учрежденіяхъ, о судѣ присяжныхъ и о тюремномъ устройствѣ. Затѣмъ, какъ сказалъ я выше, Каченовскій искалъ встрѣчи съ личностями, выдающимися въ наукѣ, литературѣ и политикѣ, и нужно сознаться, что судьба довольно щедро награждала его въ этомъ отношеніи. Историки Маколей и Гротъ, строгій мыслитель и разносторонній ученый С. К. Льюизъ, основательный эллинистъ и ловкій финансистъ Гладстонъ, геніальный старикъ Брумъ: всѣ они привѣтливо встрѣчаютъ, въ рабочихъ комнатахъ своихъ, умнаго и симпатичнаго иностранца. Вестлэкъ, Бестъ, Филлиморъ, Трэверсъ Твиссъ и другіе англійскіе юристы съ уваженіемъ выслушиваютъ мемуары его въ юридическомъ обществѣ и рѣчи въ противорабскомъ обществѣ (Antislavery Society). Но на этомъ не останавливается Каченовскій: онъ подходитъ къ самому народу англійскому; онъ наблюдаетъ общественные типы и вдается въ физиологію британскихъ характеровъ. Въ одномъ мѣстѣ изучаетъ онъ практика-фабриканта и знакомится съ интересами рабочаго класса; въ другомъ сталкивается съ престарѣлымъ квакеромъ, который живетъ библейскимъ и строгимъ патріархомъ въ многочисленной семьѣ своей, что не мѣшаетъ однакоже старику занять чужестраннаго гостя умными рѣчами о предметахъ философскихъ, богословскихъ и политическихъ. Въ третьемъ мѣстѣ отыскиваетъ живое подобіе Микаубера—этого симпатичнаго героя въ извѣстнѣйшемъ изъ романовъ С. Ч. Дикенса. Наконецъ, нѣкоторыя страницы дневника имѣютъ и будутъ имѣть

серіозный историческій интересъ: передъ глазами Каченовскаго прошли и подверглись вѣрному его наблюденію лица, имѣвшія влияние на политику, литературу и науку не въ одной только Англіи.

Вотъ, напримѣръ, отчетъ Д. И. о днѣ 13/25 мая 1859 года въ Парижѣ: „Я видѣлъ сегодня Руффини и Мишле. Руффини принадлежитъ къ числу людей, когда то восторженныхъ и теперь охладѣвшихъ черезчуръ. Онъ родомъ изъ Генуи, былъ товарищемъ и другомъ Маццини, дѣлилъ съ нимъ ссылку и приключенія, затѣмъ бросилъ его, написалъ извѣстный романъ „Лоренцо Беннони“, на нѣсколько времени возвратился на родину, въ 1848 году былъ посланникомъ въ Парижъ и теперь живетъ на покоѣ. Его наружность не представляетъ ничего особеннаго; онъ уже посѣдѣлъ и особенно постарѣлъ духомъ. Въ его тонѣ слышится отвращеніе отъ политики, недовѣріе къ человѣчеству и къ нынѣшнему поколѣнію; мнѣ кажется даже, что онъ не вѣритъ и въ Италію... Въ Маццини онъ теперь разочарованъ и называетъ его непрактическимъ человѣкомъ и вѣчнымъ ребенкомъ (*perpetuo fanciullo*). Руффини очень, повидимому, привязанъ къ Франціи, англичанъ онъ бранитъ за чопорную *respectability*, за тиранство обычая, и по дѣломъ. Въ итальянской жизни, по его мнѣнію, личность наиболѣе независима... „Въ Швейцаріи... и друзьямъ надобно платить за услуги“.

„Я ожидалъ большаго отъ Руффини. Онъ сдѣлалъ на меня впечатлѣніе трупа. *Я замѣчалъ, что большая часть неумѣренныхъ энтузіастовъ охлаждаетъ до такой степени къ концу жизни*“—снова заключаетъ мѣткимъ выводомъ дневныя наблюденія свои Д. И. Каченовскій.

Замѣтка о Мишле менѣе внимательна, но не лишена вѣрности и интереса. „Мишле, въ противоположность Руффини, сохранилъ вѣру въ себя, потому что онъ работалъ кабинетно и не выходилъ на арену политической жизни. Этотъ старикъ, очень живой и бойкій, показался мнѣ умнымъ актеромъ. Онъ говоритъ *avec emphase* и на распѣвъ; ему кажется, будто во Франціи ничто не измѣнилось... Однако же изъ словъ Мишле видно, что онъ чувствуетъ тяжесть централизаціи на странѣ. Онъ оправдывалъ свои *Légendes du Nord* и говорилъ, что встрѣчалъ много симпатіи въ русскихъ“.

Такимъ то внимательнымъ и зоркимъ наблюдателемъ является Каченовскій во всѣхъ своихъ путешествіяхъ по различнымъ странамъ Европы! Ничто не ускользаетъ отъ него. Въ Бреслау забѣгаетъ онъ въ торопяхъ, почти что на короткій промежутокъ между поѣздами, къ старику Абеггу; но, уходя отъ него, заноситъ въ дневникъ свой любопытное *profession de foi* ветерана-профессора о преподаваніи уголовного права. Солиднѣйшій изъ старыхъ криминалистовъ Германіи „ста-

рался дѣйствовать на сердца слушателей, объяснять имъ гуманныя начала судопроизводства, убѣдить въ необходимости дѣйствовать осторожно и добросовѣстно“. Прощаясь въ Лондонѣ съ С. К. Льюизомъ, Каченовскій успѣваетъ однако же навести знаменитаго государственнаго чловѣка и ученаго на разговоръ о книгѣ Милля (On Liberty) и записываетъ мнѣніе, что „Д. С. Милль преувеличилъ тираннію формы и обычая въ англійскомъ обществѣ“.

Недаромъ провелъ Д. И. время свое и въ Германіи. Немалый интересъ представляютъ замѣтки Каченовскаго о Дальманѣ, Пертесѣ и нѣкоторыхъ другихъ знаменитостяхъ ученаго и политическаго міра.

Не могу отказать себѣ въ удовольствіи извлечь эти, бойко очерченные легкими штрихами пера, портреты. „Въ Боннѣ, сверхъ ожиданій, я не скучалъ“, пишетъ Д. И. въ іюль 1857 года. „Цвѣтушій и покрытый садами городокъ, Рейнъ и чудныя окрестности заставляли забывать одиночество... Прежде всего я пошелъ къ Дальману. Не могу сказать, чтобы онъ мнѣ понравился. Какое-то искривленное лицо, странный видъ и маленькіе глаза профессора не привлекаютъ, какъ напримѣръ свѣтлое лицо Альбрехта (извѣстн. проф. герман. права). Дальманъ говорилъ о Россіи, за успѣхами которой онъ слѣдилъ съ надеждою и страхомъ. Прогрессъ, замѣтилъ онъ, пошелъ теперь не въ глубину, а въ ширь. Вообще, въ его словахъ я не нашелъ того отчаянія, которое думалъ найти... Дальманъ рассказывалъ мнѣ о своемъ знакомствѣ съ Токвилемъ, который пріѣзжалъ сюда изучать нѣмецкіе источники для своего сочиненія. По словамъ Дальмана, языкъ сосѣдей не давался Токвилю, и онъ, какъ французъ, заплатилъ въ этомъ отношеніи дань своей національности.“

Совсѣмъ другого рода чловѣкъ Пертесъ. Образъ его мыслей понять трудно. Онъ не принималъ участія въ 1848 году, не обманывался въ его надеждахъ и, какъ самъ онъ выражался, видѣлъ въ Россіи и въ католицизмѣ двѣ охранительныя силы въ Европѣ. Поэтому на реформы въ Россіи смотрѣлъ онъ недоувѣрчиво и покачивалъ головою. О Франціи Пертесъ отзывался съ ужасомъ. Деньголюбіе и развратъ возрастаютъ тамъ вмѣстѣ съ клерикальнымъ вліяніемъ. Открылись новыя лишніе ордена, безъ всякаго содѣйствія правительства. Одинъ изъ бывшихъ здѣсь французовъ, легитимистъ, увѣрилъ, что Франція должна погибнуть, если не освободится отъ преобладающаго Парижа. Wenn die Nation so tief gesunken ist, wir sollen uns freuen (!?), dass sie einen Napoleon findet. Что Пруссіи суждено играть большую роль, Пертесъ не сомнѣвался... О принцѣ, будущемъ наслѣдникѣ, онъ отзывался какъ о любезномъ чловѣкѣ, но не ждалъ отъ него большихъ реформъ.

„Онъ приходилъ съ нами безъ церемоніи пить чай и жилъ очень просто“. Мнѣ еще предстояло видѣться съ Лоренцомъ, пишетъ Д. И. Онъ боленъ и огорченъ своими неудачами (*Лоренцъ собирался читать здѣсь древнюю русскую исторію, но никто не захотѣлъ слушать его лекцій*)“.

„Я нашелъ въ Германіи, сказалъ онъ, большія перемѣны, и не къ лучшему; все увлекается матеріальными интересами, мы живемъ въ вѣкѣ промышленности, наука не въ милости у молодого поколѣнія“.

Очень свѣтлое впечатлѣніе произвелъ на Каченовскаго Арндтъ. „Я видѣлъ старика Арндта, свѣжаго, добродушнаго, живого, привлекательнаго. Это прекрасный типъ старыхъ нѣмецкихъ профессоровъ. Онъ многое видѣлъ, былъ въ Россіи, въ 1812 году, съ Штейномъ (и издалъ объ этомъ книгу въ нынѣшнемъ году), пережилъ много переворотовъ и сохранилъ, не смотря на свои 89 лѣтъ, веселость характера. Онъ болталъ со мною безъ умолку обо всемъ и — очень мило. Я слушалъ старика съ удовольствіемъ... Предметомъ разговора были разныя свойства народовъ...“.

Гейдельбергъ произвелъ на Д. И. то-же впечатлѣніе, какое оставляетъ онъ на душѣ у всякаго, кто посѣтилъ этотъ поэтический пріютъ науки. И не одному русскому профессору будетъ сочувственна та картина, которая набросана искусною рукою Каченовскаго: „Вечеромъ большою компаніей отправлялись мы на Шпейергофъ. Туда ѣхали; оттуда шли чудною ночью. Внизу видны были городскіе огни; вдали слышались музыка и студентскія пѣсни: деревья были неподвижны и какъ будто слушали. На душѣ у всѣхъ стало свѣтло и тихо“.

Зато-же полонъ и серіознаго интереса дневникъ Д. И. о Гейдельбергѣ, гдѣ встрѣчался онъ съ Молемъ, Велькеромъ, Безелеромъ, Миттермайеромъ, Гагерномъ и другими извѣстными учеными, профессорами и литераторами. Бесѣды съ г. Р. Ф. Молемъ очень разнообразны и научны по содержанію. Разговоры съ Велькеромъ доказываютъ, что старые нѣмецкіе профессора умѣли лучше и терпимѣе новаго поколѣнія относиться къ вопросу о политическомъ значеніи Россіи и къ дѣлу внутреннихъ реформъ въ нашемъ отечествѣ. Узкій патріотизмъ и сильное національное чванство не заглушали у стариковъ простой, но вѣрной и возвышенной идеи о солидарности, въ дѣлѣ гражданственности и общественныхъ успѣховъ, между всѣми народами.

Многія лекціи Моля (напр. о Grundrechte) воспроизведены у Каченовскаго съ замѣчательною полнотою. Очень вѣрно охарактеризованъ покойный Гейссеръ. Съ большою проникающею открылъ въ немъ Д. И., при несомнѣнномъ и энергическомъ талантѣ, рьяный нѣмецкій

патріотизмъ, нетерпимый и не всегда разборчивый въ средствахъ. Въ то время, когда я слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ (1864—65 г.), обозначилось еще явственнѣе презрѣніе Гейссера къ „Kleinstaaterei“ и тяготѣніе къ тому сѣверо-востоку Германіи, откуда опустился недавно тяжелый ударъ (Deutschland's Degen's) надъ „entsetzliche Franzosen“.

Не трудно угадать, какое впечатлѣніе произвели бы на Каченовскаго и на другихъ русскихъ людей, уважающихъ гейдельбергскія аудиторіи, недавнія лекціи преемника Гейссера (Трейчке). Фантастическій страхъ передъ социализмомъ и франко-русскимъ союзомъ довелъ почтеннаго профессора до сектаторскаго фанатизма. Весьма вѣроятно, что мнѣніе Каченовскаго было бы здѣсь не менѣе строгимъ, чѣмъ въ томъ случаѣ, гдѣ онъ, весьма осторожный въ приговорахъ надъ собратами по занятію, вынужденъ однакоже выставить пошлость одного профессора римскаго права (не Вангерова), который называлъ Юстиніана „Spitzbube“, обо всемъ судилъ съ какою-то неряшливою небрежностію и въ тоже-время—съ видомъ знатока. „Курьезны, впрочемъ, остроты его на Штала и Гегеля. Гегель, по его мнѣнію, разсматриваетъ науку съ берлинской точки зрѣнія, а Шталь ведетъ назадъ, но неизвѣстно куда!“.

Кромѣ этого филистера въ профессорской тогѣ, не совсѣмъ счастливо столкнулся съ Каченовскимъ одинъ изъ гейдельбергскихъ знатоковъ международнаго права (не Р. Ф. Моль и не Блунчли). „Это—живой компендіи, пишетъ Д. И. Читалъ онъ при мнѣ лекцію о посланникахъ и защищалъ довольно странную мысль, будто посланникъ не чиновникъ, ссылаясь на то, что Standesherrn могутъ отправлять по-сольскія, а не другія должности. Лекціи его пересыпаны неудачными остротами, которыя плѣняютъ только раболѣпныхъ студентовъ“.

Но предадимъ покою печальный ликъ этого педанта, обрисованнаго *cum grano salis* искусною рукою Каченовскаго, и да избавитъ судьба наши русскія аудиторіи отъ профессоровъ, плѣняющихъ плоскими выходками раболѣпныхъ студентовъ!

Передо мною лежатъ еще цѣлые томы замѣтокъ: это—результатъ путешествій Д. И., въ 1864, 1866, 1868 и 1870 годахъ, по Италіи, въ которую вложила такъ много любви художественная душа Каченовскаго. Что любовь эта была плодотворна, доказываютъ статьи „О старыхъ мастерахъ Флоренціи“. Но въ нихъ видѣли мы лишь начало, а продолженіемъ должны были служить другія работы, изъ которыхъ почти написана прелестная статья о Микель-Анджело; Д. И. благоговѣлъ передъ этимъ гениемъ живописи и скульптуры, и нужно было видѣть восторгъ Каченовскаго передъ „плѣнниками“ въ Луврѣ и передъ „Lorenzo il Pensiero“ во Флоренціи!

Пришлось и мнѣ дѣлить его чистыя, эстетическія радости, и вотъ почему такъ трудно отрываться въ настоящую минуту отъ изученія и разбора путевыхъ замѣтокъ Д. И. объ Италіи. Интересъ ихъ для исторіи искусства весьма значителенъ. Но обязанности, чтить которыя училъ Каченовскій, зовутъ къ инымъ трудамъ.

IV. Заключение.

Мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ о послѣднихъ мѣсяцахъ и дняхъ Каченовскаго.

Давно уже—болѣе 2 лѣтъ—рѣзко обозначился упадокъ физическихъ силъ у Д. И. Онъ съ каждымъ днемъ блѣднѣлъ, становился крайне раздражителенъ и утомлялся отъ того, что въ прежніе годы казалось ему игрушкой. Но бодрость духа и живое участіе ко всему, что интересовало его, были прежнія. За нѣсколько недѣль до смерти, измученное лицо Д. И. появлялось еще на засѣданіяхъ совѣта, куда—увы!—ушла не малая доля лучшихъ силъ Каченовскаго... Есть грустныя стороны во всякой, а слѣдовательно, и въ университетской жизни, и столкновенія („университетскія битвы“—какъ называлъ ихъ въ одномъ изъ приведенныхъ мною писемъ Д. И.) въ стѣнахъ коллегій дѣйствуютъ губительно на впечатлительные и нервные характеры. Борьба, которая ведется при закрытыхъ дверяхъ, по необходимости лишена полного свѣта, гласности и публичности, а при такихъ условіяхъ не всегда бываетъ сохраняемо чувство мѣры и не остается неизмѣнно-иснымъ сознаніе о нравственной отвѣтственности за каждое свое слово въ общественныхъ дѣлахъ. Но печальнѣе всего видѣть, какъ лучшіе люди, увлекаясь, вызываютъ иногда оскорбительныя репрессаліи. Что не всегда и не всѣми соблюдается рыцарство въ борьбѣ—это старая истина.

Внѣшняя обстановка, окружающая провинціальныя университеты, не имѣетъ ничего такого, что могло бы служить смягченіемъ неудобствамъ корпоративной жизни. Общество болѣе чѣмъ равнодушно къ научнымъ интересамъ; нѣтъ литературы; нѣтъ и не можетъ быть, по множеству весьма вѣскихъ причинъ, журналистики; нѣтъ даже цензуры (по крайней мѣрѣ Харьковъ, университетскій городъ, до сихъ поръ не имѣетъ ея).

Положеніе людей, сознающихъ за собою способность вести живую работу литератора или публициста, по-истинѣ печально въ провинціи. Что, напримѣръ, сдѣлаетъ у насъ любой профессоръ, по любой государственной наукѣ съ „вопросами дня“, если-бы даже и могъ иногда

обсудить ихъ основательно, съ научной точки зрѣнія и съ пользою для родной земли, къ которой имѣется у него не раболѣпное, но искреннее и вполне гражданское чувство? Можетъ ли онъ посылать наугадъ, не запросивъ предварительно кого слѣдуетъ, статью свою въ одну изъ столичныхъ редакцій? Очевидно, нѣтъ. Между тѣмъ интересъ дня—явленіе скоротечное, и предложеніе обсудить его (если только дѣйствіе такое возможно) скорѣе всего будетъ принято не изъ провинціи, но отъ того множества рукъ, которыя непрерывно предлагаютъ свои услуги въ самой метрополіи. Захочетъ ли онъ положить свою статью въ станки газеты губернскаго правленія? отвѣтъ ясенъ: въ громадномъ большинствѣ случаевъ не будетъ, да и не можетъ быть такого жертвоприношенія.

Такимъ-то образомъ гибнуть безслѣдно многія добрыя мысли и честные труды, тяжелѣетъ перо, слабѣетъ живость и чуткость мозга, погасаетъ мало-по-малу не одно литературное и публицистическое дарованіе. Людямъ, по природѣ своей менѣе энергичнымъ, легче дается этотъ процессъ „постепеннаго опусканія береговъ“ (по выраженію одного изъ талантливыхъ нашихъ романистовъ); для другихъ борьба такая обходится болѣе дорогою цѣною! Нельзя безнаказанно укорачивать натуру, призванную къ полному и правильному развитію; природа будетъ мстить за насилуваніе себя рядомъ нравственныхъ страданій; ожелтнѣетъ характеръ, возникнутъ шереховатости, стѣсненный талантъ станетъ проявляться пароксизмами неудовлетвореннаго самолюбія...

Что касается Каченовскаго—человѣка съ несомнѣннымъ талантомъ публициста и писателя, то не мнѣ одному, но многимъ людямъ, которые привыкли анализировать характеры, приходила въ голову мысль, что своевременный переходъ въ Петербургъ и даже въ Москву былъ бы благодѣтеленъ для Д. И.—И кто знаетъ, быть можетъ онъ жилъ бы еще—и жилъ долго, для науки, для литературы и для дѣлъ общественныхъ!

Никто, конечно, не скажетъ, чтобы во всемъ была виновата провинціальная жизнь; едва-ли кто станетъ доказывать, что въ столицахъ—Эльдорадо для дѣятельности профессора-писателя и особенно публициста. Могли быть—и были на самомъ дѣлѣ—многія условія физическаго и психическаго свойства, при которыхъ давно уже зародилось зерно болѣзни въ организмъ Д. И. Но развитіе этого смертельнаго зародыша во всякомъ случаѣ было бы менѣе скорымъ и пагубнымъ въ иной средѣ, полнѣе отвѣчавшей характеру и способностямъ покойнаго Каченовскаго. Извѣстная доля отвѣтственности несомнѣнно падаетъ на тѣ мѣстныя вліянія, о которыхъ сказано выше.

Въ 1870 г. показались первые признаки чахотки у Д. И. Онъ замѣтилъ подступъ ея въ Италіи, во время путешествія по гористымъ мѣстностямъ древней Умбріи и въ окрестностяхъ Сіены, старые мастера которой сильно занимали его въ то время. Съ тѣхъ поръ болѣзнь повлекла его по наклонной плоскости къ могилѣ, увеличивая страданія своей жертвы по извѣстному закону. Однако-же въ этотъ промежутокъ времени вышли двѣ работы Д. И. (Старая Флоренція и ея мастера; Разборъ книги Пасси въ *Revue de droit international*). Въ маѣ 1872 года Д. И. уѣхалъ за границу, для лѣченія; но было уже слишкомъ поздно. Въ бумагахъ его осталось нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ, по старой привычкѣ изучать и наблюдать, въ Глейхенбергѣ, въ Штиріи, куда послалъ его докторъ Моргенштернъ изъ Вѣны. Но отъ слабыхъ, едва читаемыхъ строкъ этихъ мерцаетъ уже погребальною свѣчою.

Незадолго до смерти, продиктовалъ онъ одному изъ друзей своихъ „замѣтки о моей болѣзни“... „До Кіева ѣхалъ 43 часа не останавливаясь“, отмѣтилъ этотъ мужественный страдалецъ, „прибылъ туда въ лихорадкѣ... Всѣ дни проводилъ у Демченко (профессора гражд. права), у котораго нашелъ братскій пріемъ... Первые двѣ недѣли въ Харьковѣ я еще могъ экзаменовать... О чтеніи лекцій нельзя было думать: я едва могъ ходить по комнатамъ и говорить. Самые тяжкія страданія испыталъ я въ концѣ ноября... 26 ноября былъ роковой день для меня: два раза терялъ я чувства... 15, 16, 17-го декабря—три бессонныя ночи, расслабленіе до потери сознанія по-утру..“.

Такъ оканчивается этотъ дважды-скорбный листъ! Сильный характеръ этого человѣка выдержалъ себя до конца: безстрашно глядѣлъ онъ въ лицо смерти и точно наблюдалъ, какъ подступала она къ нему!

Утромъ 21 декабря раздался сильный и судорожный звонокъ въ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ жили близкіе друзья Каченовскаго. Я увидѣлъ его уже на столѣ, черезъ полчаса послѣ кончины. Мраморно-блѣдное лицо поразило меня своимъ грустно-спокойнымъ видомъ: то была обычная иронія смерти надъ жертвою, которая много и мучительно страдала до минуты вѣчнаго покоя.

Рѣчи, произнесенныя надъ гробомъ Д. И. Каченовскаго,
23 декабря 1872 года.

Дорогой товарищъ! Въ послѣдній разъ собрались мы здѣсь, у твоего гроба, чтобы сказать тебѣ послѣднее прощаніе.

Ты уже насъ болѣе не услышишь, нашихъ слезъ не увидишь, на сердечный призывъ нашъ не забьется уже болѣе твое сердце.

Роковая вѣчность вырвала между тобою и нами свою бездонную пропасть.

Все для тебя уже кончено. Въ утѣшеніе намъ остались одни воспоминанія о тебѣ.

Но ты былъ, ты останешься навсегда самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ для насъ человѣкомъ.

И въ этотъ торжественный часъ твоего непробуднаго покоя, когда предъ бренными останками стихаетъ клевета и злоба, твои друзья могутъ съ гордостію заявить, что ты оставляешь имъ въ наслѣдіе самое драгоценное право—сказать передъ цѣлымъ міромъ, что ты былъ *человѣкъ*, въ самомъ лучшемъ, самомъ благородномъ смыслѣ этого слова, и что память о тебѣ будетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ о лучшемъ изъ людей.

Позволь же мнѣ отдаться своимъ воспоминаніямъ.

Предо мною еще живо рисуется твоя студенческая бѣдность, юношеская, страстная жажда знанія, упорная рѣшимость трудиться и, трудясь, идти по пути, который—отъ начала вѣковъ—расчищали, для отрады людей, безкорыстные поборники правды.

И сколько тебя я запомнить могу, ты уже шелъ по этому пути, поднимая свое знамя, знамя правды, несъ его цѣлую жизнь высоко, смѣло и гордо,—и нѣтъ человѣка на землѣ, который бы смѣлъ взвести на тебя упрекъ, что склонился ты хотя разъ передъ грубою силою, что соступился съ пути, что измѣнилъ когда нибудь самому себѣ.

Ты рано понялъ свое призваніе и остался ему вѣренъ до конца. На высокое свое поприще ты выступалъ въ такое время, когда люди мысли были рѣдки, когда за дѣло просвѣщенія брались немногіе, избранные,—но и потомъ, когда людей мысли стало больше, ты все же оставался среди нихъ, какъ и прежде, избранникомъ.

Твоя неутомимо-труженическая жизнь прошла въ заботахъ—отвоевать для Русскаго имени мѣсто въ семьѣ высоко образованныхъ людей. Въ тѣ свѣтлыя годы, когда для Россіи открывалась заря лучшей жизни, годы надеждъ и несмѣлыхъ ожиданій, ты выступалъ, какъ писатель,—и имя твое, какъ писателя, записано навсегда въ спискѣ достойнѣйшихъ представителей Русской мысли 50-хъ годовъ.

Но выше званія писателя цѣнилъ ты свое призваніе—учителя-наставника.

Въ старыя годы, окруженный любовью, въ любимой своей аудиторіи, ты блисталъ, какъ яркая звѣзда на небосклонѣ. Ты пробуждалъ благородныя страсти, училъ добру.

Но и потомъ, когда подъ вліяніемъ рокового недуга силы тебѣ измѣнялись, ты забывалъ о себѣ и все же служилъ до конца, для новыхъ поколѣній слушателей, высокимъ образцомъ добросовѣстно строгаго выполненія долга.

Правда, ты былъ строгъ къ другимъ. Но друзья твои знаютъ, что строже, неумолимѣе всего ты былъ къ самому себѣ. На твое слово можно было всегда положиться смѣло: ты ему не измѣнялъ никогда. Когда на что нибудь рѣшался, рѣшимость твоя была непоколебима. Твои друзья всегда могли во всемъ довѣриться тебѣ: пріязнь твоя къ нимъ была постоянна, неизмѣнна. Особенно же дороги были для тебя тѣ старыя связи, которыя завязалъ ты въ лучшіе годы своей жизни, когда—въ большомъ и богатомъ городѣ—ты былъ еще для всѣхъ чужой, бѣденъ и одинокъ. Ты этимъ старымъ связямъ оставался вѣренъ всегда. Ты ихъ уносишь съ собою въ могилу.

Но всю силу своей сердечной страсти ты сосредоточилъ на одной матери—и былъ образцомъ любящаго сына. Любя свою мать безпредѣльной любовью, ты въ искусствѣ искалъ идеаловъ неземной красоты....

Прости же, товарищъ!

Не легка была твоя жизнь на землѣ. Пусть-же, по крайней мѣрѣ, будетъ земля для тебя легка!

И. д. декана, И. П. Сокальский.

23 декабря 1872 г.

Выполняя обрядъ, который въ поэтической простотѣ своей такъ прекрасно отвѣчаетъ лучшимъ чувствамъ человѣческаго сердца, собрались мы здѣсь, скорбною семьей, для „последняго лобзанія“ Дмитрію Ивановичу Каченовскому. Но не всѣ могутъ подходить съ одною нѣмою сосредоточенною горестію къ преждевременной могилѣ этой. Нѣтъ, тѣ,

кого судьба сблизила съ покойнымъ,—кому вѣдомы были въ теченіе многихъ лѣтъ завѣтныя убѣжденія, чувства и стремленія этого достойнаго человѣка,—тѣ должны пересилить скорбь, леденящую мысль и слово,—тѣ обязаны выступить, въ эту торжественную минуту, передъ лицомъ цѣлаго общества и показать ему, какую потерю понесло оно.— Тяжка и невознаградима потеря эта! Лишь 45 лѣтъ прожилъ Д. И. Каченовскій; но 23 полныхъ года изъ этой короткой жизни отданы были неутомимому профессорскому труду въ дорогомъ ему университетѣ. Не умѣю передать, до чего горяча была преданность, какъ сильно было уваженіе его къ университету. Лучше всего выскажетъ это собственное слово Дмитрія Ивановича въ лекціи, прочитанной имъ въ 1859 году, по возвращеніи изъ полутора-годового путешествія съ ученою цѣлью за границу. „Университеты—говорилъ своею чудесною рѣчью Дмитрій Ивановичъ—принадлежать къ высшимъ учрежденіямъ Россіи. Они дѣйствуютъ на молодое поколѣніе, а черезъ него на цѣлое общество. *Труды и добрыя мысли здѣсь не пропадаютъ, какъ думается иногда въ минуту тоски и отчаянія.* Нужно поддерживать въ себѣ энергію и вѣру въ добро. Десять лѣтъ дѣятельности не ослабили во мнѣ надежды на лучшую будущность для нашего университета; путешествіе показало, что нигдѣ успѣхъ не достигается легко и безъ борьбы“.—Таково было слово профессора—слово, которое произвело въ свое время потрясающее впечатлѣніе на аудиторію, но которое и въ настоящую минуту имѣетъ для насъ глубокій смыслъ: въ немъ выраженъ девизъ цѣлой жизни профессора Каченовскаго. И черезъ 20 слишкомъ лѣтъ, поддерживалъ онъ въ себѣ и у другихъ людей энергію и вѣру въ добро; и черезъ многіе годы, когда надъ нимъ прошли тяжелой чередой неизбѣжныя разочарованія и сильныя нравственныя страданія,—и тогда не ослабѣла въ немъ надежда на лучшую будущность университета, и готовъ онъ былъ всегда говорить ученикамъ и друзьямъ своимъ, какъ въ 1869 году: „Не думайте, что результаты вашихъ трудовъ погибнутъ въ глуши, безслѣдно... *Намъ всегда былъ дорогъ нашъ храмъ* [такъ называлъ онъ университетъ]. Я самъ выросъ въ его стѣнахъ; мнѣ знакомы эти скамьи и памятно молодое время, проведенное здѣсь, потому что съ нимъ соединены первые проблески робкой мысли, первые труды, стремленія къ пользѣ государственной и общественной, словомъ—зародыши всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ чувствъ“.

Мудрено-ли послѣ этого, что профессоръ, который, при ученыхъ достоинствахъ и рѣдкомъ дарѣ преподаванія, понималъ такъ хорошо и выражалъ съ такою ясностію отношеніе университета къ жизни и къ наукѣ, былъ дорогъ для своей аудиторіи,—и что студенты, способ-

ные оцѣнить его, вынесли изъ этой аудиторіи такое крѣпкое чувство уваженія къ нему, которое каждый изъ нихъ возьметъ съ собою въ глубину собственной своей могилы?

Покойный Д. И. Каченовскій самъ написалъ о себѣ, что „онъ выросъ въ стѣнахъ университета“,—и это вѣрно въ буквальномъ смыслѣ слова. Талантливый мальчикъ вышелъ изъ народнаго училища въ родномъ городкѣ своемъ [Карачевѣ, Орловской губерніи], блистательно окончилъ курсъ въ первой Харьковской гимназіи и поступилъ 15^{1/2} лѣтъ въ университетъ. Потребовалось особое разрѣшеніе попечителя, чтобы провести способное дитя въ университетскія аудиторіи. Это было въ 1843 году. Черезъ 6 лѣтъ, Д. И. Каченовскій защищалъ уже свою магистерскую диссертацию,—и мнѣ, въ ту пору гимназисту, который робко подходилъ къ дверямъ университета, пришлось быть свидѣтелемъ перваго ученаго триумфа Дмитрія Ивановича. Магистерское изслѣдованіе его было на тему „о владычествѣ надъ морями“—работа серьезная, которая заслужила полное одобреніе факультета, но къ сожалѣнію ненапечатанная: самъ авторъ слишкомъ строго судилъ себя.—Въ 1855 году Дмитрій Ивановичъ былъ уже докторомъ государственныхъ наукъ послѣ экзамена и диспута на юридическомъ факультетѣ Московскаго университета; словесный экзамень и диспутъ были событіемъ, отмѣченнымъ Московскими журналами, а докторская диссертациа [о каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ] составила капитальное пріобрѣтеніе для литературы международнаго права: встрѣченная серьезно и въ тоже время лестною рецензіею извѣстнаго германскаго публициста *Вурма*, переведенная докторомъ *Праггомъ* [адвокатомъ бывшей лондонской корпорации *doctor's Commons*], книга эта цитируется теперь лучшими публицистами Англіи, Франціи и Германіи. Въ 1858 году разрѣшено было Дмитрію Ивановичу путешествіе съ ученою цѣлью за границу, котораго такъ настойчиво домогался и такъ страстно желалъ Каченовскій, весьма серьезно смотрѣвшій на это дѣло. Вотъ собственные слова его изъ отчета, представленнаго университету въ въ 1860 году, гдѣ виденъ весьма своеобразный и ясный взглядъ на образовательное значеніе путешествія для того, кто готовитъ себя къ преподаванію государственныхъ наукъ въ университетѣ. „Извѣстно — писалъ Д. И.—что ученныя поѣздки обыкновенно предпринимаются „для усовершенствованія въ наукахъ“. Но почти каждая наука имѣетъ двѣ стороны—теоретическую и практическую. Можно обратить вниманіе или на ту, или на другую. Признаюсь, для меня больше значенія имѣла послѣдняя. Мнѣ казалось, что съ теоріями можно познакомиться изъ книгъ, не трогаясь съ мѣста. Я старался поэтому проникнуть въ сферу

опыта, наблюдать политическую жизнь, дѣйствіе законовъ, ходъ учреждений, вліяніе правительства на народъ и народа на правительство. Въ настоящее время [Д. И. писалъ это въ эпоху свѣтлыхъ надеждъ и почина важнѣйшихъ реформъ нынѣшняго царствованія], наблюденія такого рода необходимы для Русскаго путешественника... Политическое образованіе имѣло и имѣетъ цѣну въ моихъ глазахъ, какъ приготовленіе къ общественной дѣятельности; тѣ народы, которые употребили его на пользу своего государственнаго быта, я считаю передовыми“.

Вѣрный своей программѣ, Дмитрій Ивановичъ былъ изумительно дѣятеленъ за границей: онъ посѣщалъ университеты, знакомился съ специалистами, изучалъ устройство и дѣлопроизводство высшихъ государственныхъ учреждений Англіи, Франціи и Германіи,—наблюдалъ надъ производствомъ выборовъ, надъ судопроизводствомъ [со включеніемъ полицейскихъ судовъ, имѣющихъ особенный интересъ въ Англіи],—посѣщалъ митинги, публичныя пренія, народныя школы и при всемъ этомъ серіозно изучалъ памятники страстно любимыхъ имъ искусствъ, особенно живописи. Энергія его удвоилась, когда пришла къ нему радостная вѣсть о томъ, что совѣтъ университета поручилъ ему преподаваніе Государственнаго Права Европейскихъ Державъ, исполняя волю Государя Императора о возстановленіи кѣедры этой въ русскихъ университетахъ. Никогда не забуду я того душевнаго счастья, той чистой и безграничной признательности, которая выражалъ по этому случаю Дмитрій Ивановичъ Каченовскій!

По возвращеніи изъ-за границы, закипѣла у него работа въ стѣнахъ родного университета. Чтеніе лекцій по двумъ предметамъ, также какъ и путешествіе, не помѣшали профессору издать длинный рядъ трудовъ. [Я назову важнѣйшіе, не касаясь многихъ этюдовъ и журнальныхъ статей, которые помѣщались, иногда не подписанные, въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ Москвы и Петербурга]. Вотъ эти работы: 1) *Взглядъ на Исторію Политич. Наукъ въ Европѣ, 1859 года*; 2) *Даніиль Вебстеръ*, біографическій этюдъ (въ франц. изданіи 1859 г. въ Брюсселѣ); первоначально этюдъ этотъ, вмѣстѣ съ „Взглядомъ на исторію полит. наукъ“, напечатанъ былъ въ Русскомъ Вѣстникѣ; 3) *Мемуаръ о современномъ состояніи междунагоднаго правопдннїя*, напечатанный по англійски въ запискахъ Лондонскаго Юридич. Общества, 1862 г.; 4) *О современномъ состояніи политич. наукъ на Западѣ Европы и въ Россіи*, Харьковъ, 1862 г. и наконецъ, 5) *Курсъ Международнаго Права*, первый выпускъ котораго вышелъ въ томъ же 1862 году; второй выпускъ изданъ нѣсколько позже, но третій, къ несчастью, пріостановленъ смертію автора. (Оба выпуска переведены

на англ. языкъ тѣмъ же Праттомъ).—Позднѣйшими, почти предсмертными работами, которыя успѣлъ напечатать Дмитрій Ивановичъ, были— „Старые флорентинскіе мастера“, какъ введеніе къ ненапечатанной, но извѣстной мнѣ и прекрасной монографіи о *Микель-Анджело*, и „Рецензія“ на книгу друга его, французскаго писателя *Ипполита Пасси*, напечатанная въ журналѣ „Revue de Droit International“. Но въ бумагахъ покойнаго осталась масса лекцій, замѣтокъ и начатыхъ статей, изъ которыхъ нѣкоторыя рукописи могутъ, конечно, составить посмертное изданіе.

Я пришелъ къ концу этой честной и трудовой жизни, послѣдніе два года которой были сначала отчаянною борьбой противъ болѣзни, а потомъ подавляющею агоніею, гдѣ смерть подступала къ намѣченной жертвѣ съ обычною своею и неумолимою логикою разрушенія. Тяжко, невыразимо тяжело было глядѣть, какъ погасалъ, не по днямъ, а по часамъ, несчастный человѣкъ, поднявшій умственный трудъ и высокій жизненный подвигъ не по физическимъ силамъ своего нервнаго, впечатлительнаго и нѣжнаго организма!

Кто выслушалъ мой краткій разсказъ, тотъ долженъ убѣдиться, что я имѣлъ право сказать: „тяжка и невознаградима потеря наша!“. Ясно для каждаго, что въ могилу, которая открыта передъ нами, ложится одинъ изъ видныхъ дѣятелей русской науки и литературы... Но не всѣмъ понятно, не каждый можетъ измѣрить ту утрату, которую несетъ въ Каченовскомъ юридическій факультетъ Харьковскаго университета. Преподавательскіе труды Д. И., его личное вліяніе, весьма сильное и благотворное, какъ уважаемаго учителя для большинства немногочисленной нашей коллегіи, какъ человѣка съ симпатичною, живою и въ высшей степени общительною натурою: все это составляло для насъ насущную жизненную потребность.

И всего этого лишились мы какъ разъ въ тотъ моментъ, когда различныя причины, касаться которыхъ здѣсь не время и не мѣсто, вызвали конкуренцію, отвлекающую молодыя силы отъ университетской карьеры и особенно вредно дѣйствующія на юридическіе факультеты въ провинціи. Между тѣмъ профессоръ Каченовскій былъ и могъ быть на долгое время естественнымъ центромъ, вокругъ котораго группировались и сходились между собою, на общемъ уваженіи къ нему, люди самыхъ противоположныхъ характеровъ, самыхъ различныхъ направленій.

Я сказалъ все, что могъ сказать въ эту тяжелую минуту, но не облегчилъ—да и не могъ облегчить—души моею... Не стану, однако же, распространяться о моей личной скорби, хотя, быть можетъ, и дали-бы мнѣ на то нѣкоторое право двадцатилѣтнія мои отношенія къ

искренночтимому мною человѣку. Но что такое моя личная скорбь, когда скорбятъ цѣлое общество? Да и что значить чья-бы то ни было скорбь въ виду тѣхъ страданій, которыми терзается престарѣлая мать—этотъ первый, нѣжно-любимый, осиротѣвшій другъ дорогого нашего Каченовскаго? Не стану утѣшать ни себя, ни другихъ: то было-бы бесполезное, дѣтски наивное дѣло. Но я могу и долженъ вѣрить, что имя Каченовскаго навсегда останется у насъ синонимомъ человѣка честныхъ и возвышенныхъ убѣжденій, — независимаго и сильнаго характера, — профессора съ полезнымъ и талантливымъ служеніемъ наукѣ. Но я могу и долженъ надѣяться, что имя это, особенно дорогое для Харьковскаго университета, найдетъ для себя почетную страницу въ исторіи просвѣщенія цѣлой Россіи.

А. Стояновъ.

Некрологъ Д. И. Каченовскаго.

А. Стоянова.

„Всякому обычаю мы повинемся волею-неволею. Въ немъ непременно выражается какая-нибудь общественная потребность. Университеты, съ-поконъ вѣка, были учрежденіями народными; въ нихъ читались публично отчеты о ходѣ гражданскаго воспитанія, произносились рѣчи, раздавались награды и ученые степени“... Такъ говорилъ, въ 1862 г., профессоръ Дмитрій Ивановичъ Каченовскій, обращаясь къ многочисленной публикѣ, которая всегда собиралась вокругъ кафедры этой съ лестнымъ вниманіемъ къ юбилейному дню университета. Но ни Д. И. Каченовскій, ни друзья его, въ ту пору, не имѣли нужды думать о томъ, что на университетскихъ актахъ роковая необходимость заставляетъ нерѣдко отмѣчать тяжкія утраты. Между-тѣмъ, ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того университетскаго акта, на которомъ внимали слушатели симпатичному слову профессора Каченовскаго, стоялъ уже, въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, гробъ Дмитрія Ивановича, и передъ такою-же многочисленною, но опечаленною, публикою раздавалось, вызывая слезы на многихъ лицахъ, скорбное, изъ души выливавшееся прощаніе товарищей.... „Въ послѣдній разъ собрались мы

здѣсь, у твоего гроба, чтобы сказать тебѣ послѣднее прости, говорилъ профессоръ И. П. Сокальскій. Роковая вѣчность вырла между тобою и нами свою бездонную пропасть. Все для тебя уже кончено. Въ утѣшеніе намъ остались одни воспоминанія о тебѣ“.

И такъ, истекшій годъ, унося въ могилу не малое число достойныхъ ученыхъ и литераторовъ въ Россіи, взялъ очень дорогую жертву и отъ харьковскаго университета. „Каченовскій умеръ“, пишетъ къ друзьямъ покойника Дмитрія Ивановича одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ нашихъ: „Это значитъ, на небосклонѣ харьковскаго университета потухла звѣзда первой величины, а для меня—порвалась, со смертью его, послѣдняя связь съ университетомъ..... „Убираются понемногу друзья юныхъ лѣтъ и хорошей поры“—пишетъ, по поводу кончины Д. И., другой писатель и ученый, громко извѣстный и искренно-уважаемый въ цѣлой Россіи. „Общій нашъ пріятель съ Каченовскимъ, Борисъ Исаковичъ Утинъ, то-же въ могилѣ. *Это племя выводится. Народится ли другое такое-же? пока не видно...*“. Въ Вѣнѣ, гдѣ прежде всего узнали за границею о кончинѣ Д. И., напечатаны уже сочувственные отзывы о человѣкѣ, имя котораго произносилось съ уваженіемъ на лекціяхъ международнаго права въ аудиторіяхъ берлинскаго университета. Не въ одной Германіи, но и во Франціи, въ Англіи, въ Италіи найдутся люди, которые пожалѣютъ о смерти достойнаго товарища нашего, какъ о серіозной потерѣ для науки и просвѣщенія въ Россіи. Наука не знаетъ границъ и заставъ между народами,—и не на однихъ берегахъ Москвы-рѣки, Волги или Невы отыщутся искренніе друзья того русскаго прогресса, о которомъ однажды такъ хорошо сказалъ покойный Д. И.: „Идти впередъ не значитъ разрушать, а совершенствоваться; прогрессъ есть умноженіе существующихъ благъ, а не истребительная война противъ общественнаго порядка. Университетъ, именно благодаря своимъ обычаямъ, есть учрежденіе, по природѣ своей, прогрессивное. Даже среди застоя въ обществѣ.... онъ обязанъ распространять кругомъ себя полезныя свѣдѣнія. Въ этомъ—его цѣль; для этого ему даны средства“.

Да, по волѣ судьбы, университетъ нашъ понесъ утрату, которую имѣли мы полное право назвать „тяжкою и невознаградимою потерею“.

Покойный профессоръ Каченовскій былъ еще слишкомъ молодъ для могилы; ему едва исполнилось 45 лѣтъ—и отъ его громадныхъ познаній, отъ его испытанныхъ способностей, отъ постоянной ничѣмъ не охлажденной любви къ учащейся молодежи, университетъ, которому покойный былъ горячо преданъ, могъ и долженъ былъ ожидать богатыхъ плодовъ въ будущемъ. Вся жизнь профессора Каченовскаго про-

текла въ стѣнахъ и на пользу харьковскаго университета. *Пятнадцати съ половиною лѣтъ* былъ уже онъ студентомъ на первомъ курсѣ юридич. факультета; черезъ *четыре года*, послѣ серіозныхъ и постоянныхъ занятій, вышелъ кандидатомъ правъ, въ 1847 г., и былъ немедленно приглашенъ факультетомъ для приготовленія къ профессорскому званію. Въ 1849 году покойный Каченовскій утвержденъ магистромъ международнаго правовѣдѣнія и тогда-же опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ международнаго права и дипломатіи. Магистерское изслѣдованіе его было на тему „*О владычествѣ надъ морями*“. Въ 1855 году Д. И. получилъ въ Москвѣ, послѣ блестящаго диспута и по представленіи диссертациі— „*О каперсахъ и призовомъ судопроизводствѣ*“, степень доктора политическихъ наукъ. Съ этого-то времени, когда вполнѣ созрѣлъ литературный и профессорскій талантъ покойнаго Д. И., начинается неутомимая писательская его дѣятельность; къ періоду-же до 1855 г. относятся только слѣдующіе труды: 1) *О генералѣ Тейлорѣ*. Моск. вѣд. 1851. 2) *Морскіе разбои въ Восточн. океанѣ*, три статьи въ Моск. вѣд. 1852. 3) *Лордъ Клейвъ*, по Маколею. Москвитян. 1852. 4) *Международное право древнихъ грековъ*. Пропилеи, т. V; наконецъ, 5) *Каперство и морская война*, 2 статьи въ Моск. вѣд. 1855.

Немедленно за докторскою диссертациею, вышедшею въ Москвѣ 1855 г., въ списокъ литерат. трудовъ покойнаго Каченовскаго должны быть поставлены: 6) *Успѣхи науки международного права въ Германіи и Англіи*. Русск. Вѣстн. 1856 г. 7) *Жизнь и сочиненія Даніэля Вебстера*. Русск. Вѣстн. 1856 г. 8) *Лордъ Байронъ*, по Маколею. Русск. Вѣстн. 1856 г. 9) *Взглядъ на судьбу Испаніи въ XIX вѣкѣ*. Русск. Вѣстн. 1856 г. 10) Нѣсколько мелкихъ статей, переводовъ и рецензій— въ томъ-же году и въ томъ-же журналѣ.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года, написанъ былъ цѣлый рядъ статей, которыя доставили извѣстность автору.

Въ 1858 и 1859 годахъ состоялось первое путешествіе Д. И. за границу, гдѣ покойный профессоръ работалъ 1½ года, неуклонно преслѣдуя интересъ преподаванія государственныхъ наукъ въ университетѣ. *Отчетъ о путешествіи по западной Европѣ*, изд. въ 1860 г., будетъ служить добрымъ памятникомъ горячей и просвѣщенной преданности Д. И. своему дѣлу. Глубокую правду сказалъ тотъ, кто замѣтилъ, что „выше званія писателя цѣнилъ Каченовскій свое призваніе учителя“. И нужно сознаться, что искреннею любовію и крѣпкимъ уваженіемъ платили такому наставнику тѣ ученики его, у которыхъ жила и не погасала въ душѣ благородная способность любить науку не для однихъ житейскихъ барышей. Строгость покойнаго профессора,

который всегда былъ готовъ отдать лучшее богатство свое—знаніе—каждому, кто просилъ этой пищи, принималась меньшинствомъ (изъ лучшихъ слушателей Каченовскаго), какъ результатъ серіознаго отношенія горячей души честнаго труженика къ своему дѣлу. Съ любовью подавалъ онъ плоды умственнаго труда и не хотѣлъ получать взаменъ пустые плевелы и негодный мусоръ неперевавленнаго знанія. Въ періодъ путешествія, а также по возвращеніи, Д. И. продолжалъ печатать, какъ дома, такъ и за границею. Въ 1859 году изданъ серіозный трудъ—*„Взглядъ на исторію политическихъ наукъ въ Европѣ“*. Кромѣ того, Русское Слово, Русская Рѣчь, Энциклопедическій Словарь и Воронежская Бесѣда за 1860 и 1861 годы заключаютъ въ себѣ рядъ этюдовъ и статей Д. И. по самымъ разнообразнымъ предметамъ (*Труды общества социологовъ, Ахенскій конгрессъ и агенты дипломатическіе, Вступительная лекція изъ государственнаго права европейскихъ державъ, Замѣтки о характерѣ англичанъ и французовъ и нѣкоторыя другія статьи*). За границею изданы имъ: *Мемуаръ о современномъ состояніи международного правовѣдѣнія*, первая часть котораго прочитана самимъ авторомъ въ лондонскомъ юридическомъ обществѣ 1859 года. (Весь мемуаръ въ цѣлости напечатанъ въ запискахъ того-же общества—*Papers of the Juridical Society*, 1862). Другой мемуаръ, прочитанный тамъ-же, заключаетъ въ себѣ *Біографію и ученую характеристику Вурма*, извѣстнаго публициста германскаго, пользовавшагося большимъ почетомъ въ Англіи. Вурмъ, при жизни своей, былъ однимъ изъ ученыхъ друзей Д. И. Каченовскаго за границею, подобно *Ипполиту Пасси*, автору классической работы „О формахъ правленія“. Работы Д. И. Каченовскаго, о которыхъ сказано выше, вызвали самую лестную оцѣнку со стороны *С. Ричарда Бетеля* (впослѣдствіи лорда-канцлера), *Вестлэка*, *Беста*, *Филлимора* и другихъ извѣстныхъ юристовъ Англіи, гдѣ такъ хорошо знаютъ Международное право и такъ сознательно интересуются имъ. Вообще въ свое время, на мемуары Д. И. Каченовскаго обратили серіозное вниманіе англійскіе журналы. Въ Брюсселѣ изданъ былъ имъ на французскомъ языкѣ этюдъ о *Даніэлѣ Вебстерѣ*,—и рецензенты сказали, что „книга проф. Каченовскаго изъ тѣхъ, которыя должны быть читаны каждымъ бельгийцемъ“ (*Le livre de M. Katchénowsky est de ceux que tout Belge doit lire*).

Къ 1862 году относятся: книга *О современномъ состояніи политическихъ наукъ на западѣ Европы и въ Россіи*, а также *Курсъ международного права* (Вып. 1-й). Второй выпускъ изданъ нѣсколько позже;—выпускъ третій неоконченъ, за смертію автора. Всѣ эти работы ведены были покойнымъ Д. И. Каченовскимъ при занятіяхъ по пре-

подаванію двухъ предметовъ: 1) Международнаго права и 2) Государственнаго права европейскихъ державъ, возстановленнаго нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ во всѣхъ русскихъ университетахъ. Два первые выпуска Международнаго права и докторская диссертация Дм. Ив. переведены на англійскій языкъ Праттомъ. Ссылки на книгу *О каперахъ* можно найти во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ западно-европейскихъ публицистовъ.—Лѣтомъ 1864, 1866, 1868 и 1870 годовъ Д. И. предпринималъ путешествіе за границу, особенно въ Италію и Англію. И здѣсь, конечно, любознательная и дѣятельная натура профессора заставляла его работать съ энергіею: онъ неутомимо продолжалъ изучать, на самой почвѣ ихъ, государственныя учрежденія Европы; но, въ то-же время, съ необыкновенною ревностью предался изученію памятниковъ искусства—архитектуры и живописи. Страстный музыкантъ и глубокій знатокъ всѣхъ классическихъ произведеній въ великомъ музыкальномъ репертуарѣ Германіи, Д. И. Каченовскій приобрѣлъ, за нѣсколько лѣтъ, такія свѣдѣнія по исторіи живописи, съ которыми смѣло могъ бы всходить на кафедру Исторіи изящныхъ искусствъ въ любомъ изъ университетовъ. Доказательствомъ этого служатъ статьи „*О старыхъ мастерахъ Флоренціи*“, года 1½ тому назадъ напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы. Монографія о *Микель-Анджело*, надъ которою трудился Д. И. въ тѣ немногія минуты, когда нѣсколько ослаблялись его страданія, осталась въ бумагахъ покойнаго, вмѣстѣ съ многочисленными лекціями по международному праву, по государственному праву европейскихъ державъ, кромѣ 10 книжекъ путевыхъ замѣтокъ, которыя исполнены нерѣдко великаго интереса. Но рецензія на книгу *Ипполита Пасси* (О формахъ правленія) была написана, не смотря на явные уже признаки разрушительнаго дѣйствія чахотки, и напечатана въ прошломъ году по-французски, въ журналѣ—„Обозрѣніе международнаго права“ (*Revue de droit international*).

Такова была дѣятельность человѣка, для котораго такъ преждевременно открылась могила! Отъ самаго 1870 года до роковаго седьмого часа утра, 21 декабря истекшаго года, для друзей Каченовскаго ясно уже читался тяжкій приговоръ судьбы надъ этимъ честнымъ, симпатичнымъ и талантливымъ дѣятелемъ нашего университета. Смерть тихо нанесла послѣдній ударъ бѣдному страдальцу, который мужественно выносилъ невообразимыя мученія продолжительной своей агоніи. Непонятенъ для ума, страшенъ для человѣческаго сердца смыслъ тѣхъ ударовъ, при которыхъ сходятъ въ могилу, разрывая столько дорогихъ связей, покидая столько чистыхъ и высокихъ интересовъ, люди, подобные Каченовскому! Утѣшенія здѣсь невозможны, хотя и есть твердая

увѣренность, что имя Д. И. Каченовскаго будетъ всегда глубоко чтимо по заслугамъ усопшаго нашего друга и товарища.

Мы оканчивали послѣднія строки въ некрологѣ, которымъ желали почтить память Д. И., когда пришло отвѣтное письмо И. Пасси на извѣщеніе о смерти проф. Каченовскаго. Вотъ какъ выражаетъ маститый академикъ и знаменитый ученый чувства свои: „Кто дожилъ до моихъ преклонныхъ лѣтъ, тотъ перенесъ уже много ударовъ и видѣлъ, какъ падали вокругъ него друзья и товарищи юныхъ лѣтъ. Но смерть Каченовскаго прибавила новую скорбь къ тѣмъ горестямъ, которыя выпадали на мою долю,—и никакое время не умалитъ печали моей.... *Не одна ваша страна понесла тяжкую потерю; ее разделяетъ съ вами весь ученый міръ* (Votre pays seul n'a pas subi une perte douloureuse: le monde savant aussi en a fait une). Уже однѣ работы по международному праву доставили Каченовскому видное положеніе въ той сферѣ, къ которой привязали его профессорскія обязанности; но отъ него ожидали еще большаго въ будущемъ. Я не сомнѣваюсь, что самые разносторонніе труды, съ тою печатью созерцательности и художественности, которыя были въ натурѣ его,—что такіе труды возвысили бы еще сильнѣе ученую извѣстность его, давши полный развертъ рѣдкому таланту его (un talent de la plus rare distinction), еслибы не поразила его смерть въ томъ возрастѣ, когда достигъ полной зрѣлости своей умъ, окрѣпшій на серіозныхъ и добросовѣстныхъ занятіяхъ. Но небу не угодно было продлить жизнь этого человѣка, дорогую для близкихъ ему людей и посвященную на служеніе интересамъ человѣчества. Преклонимся же передъ Провидѣніемъ и съ покорностію примемъ то, что кажется намъ тяжкимъ и роковымъ въ вѣдѣніяхъ его“.

А. Стояновъ.

15 января
1873 г.

Статья „Голоса“ 25 дек. 1873 г. О кончинѣ Д. И. Каченовскаго.

Корреспонденція изъ Харькова.

20-го декабря, юридическій факультетъ нашего университета лишился своего главнаго украшенія—профессора Дмитрія Ивановича Каченовскаго, скончавшагося въ цвѣтѣ лѣтъ, на 23 году своей служебной дѣятельности. Вѣсть объ этой смерти разнеслась быстро между многочисленными академическими друзьями покойнаго и глубоко огорчила ихъ. Это была смерть слишкомъ ранняя и потеря для русской науки слишкомъ значительная!....

Дмитрій Ивановичъ Каченовскій родился въ Орловской губ.; родители его, находясь въ крайности, хотѣли сдѣлать сына канцеляристомъ; но рано обнаружившаяся страсть къ наукѣ и собственная энергія Дмитрія Ивановича были причиной, что ему удалось поступить въ университетъ, а на 21 году уже занять профессорскую кафедру. Посвятивъ всего себя наукѣ, этотъ молодой ученый не щадилъ своего здоровья въ занятіяхъ, а ежегодныя поѣздки его за границу съ научными цѣлями замѣтно подрывали его физическія силы. Въ усовершенствованіи своей специальности онъ оказывалъ столь рѣдкое терпѣніе и неутомимый трудъ, что скоро обратилъ на себя вниманіе многихъ ученыхъ за границей. Постоянно возрастающая его извѣстность за границей достигала въ послѣднее время большихъ размѣровъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ очень многимъ онъ былъ и остается неизвѣстенъ до настоящаго времени.—По почину Дмитрія Ивановича во многихъ государствахъ возникали ученые труды, которые и издаваемы были подъ его руководствомъ. Будучи членомъ многихъ ученыхъ обществъ за границею, онъ дѣятельно подвигалъ впередъ обѣ важныя науки, составлявшія его специальность—государственное право европейскихъ державъ и международное право. По возвращеніи изъ-за границы, когда онъ открывалъ обычные курсы чтенія своихъ лекцій, наступало благодарное время труда для студентовъ. Сознавая хорошо, подъ руководствомъ какого профессора предстоитъ имъ работать, студенты съ особенною энергіею принимались за тяжелый, но пріятный трудъ. Изобиліе фактовъ, которые онъ умѣлъ, съ особеннымъ искусствомъ, благодаря своему замѣчательному краснорѣчію, представлять въ самыхъ привлекательныхъ формахъ, составляетъ отличительную форму его лекцій. Ораторъ умѣлъ приковывать вниманіе слушателей, которыми были всегда такъ переполнены аудиторіи, что, не смотря на ихъ обширность, часто недоставало мѣста. Пропустить его лекцію считалось предосудительнымъ. Но особенную любовь въ своихъ слушателяхъ умѣлъ снискать себѣ покойный профессоръ тѣми отношеніями, въ какихъ онъ находился съ студентами. Такъ онъ любилъ проводить время въ ученыхъ бесѣдахъ съ студентами, которые сходились у него въ квартирѣ; бібліотека покойнаго была всегда открыта для студентовъ. Всѣ мѣры, клонившіяся къ улучшенію быта студентовъ, исходили, большею частью, отъ него. Въ послѣднее время, не смотря на окончательный упадокъ физическихъ силъ, онъ усердно читалъ лекціи и этимъ возбуждалъ общее сочувствіе, а вмѣстѣ и дѣятельность въ самихъ студентахъ. Тѣмъ печальнѣе была его смерть, что до конца послѣдней минуты своей жизни онъ былъ въ полномъ сознаніи о близкой разлукѣ со всѣмъ окружающимъ.

Вечеромъ, 19 декабря, наканунѣ своей смерти, праздновалъ онъ двадцатитрехлѣтіе своей службы съ студентами, собравшимися у него, хотя предчувствовалъ уже тогда, что близькъ часъ смерти, но надѣялся еще пережить слѣдующій день, на который онъ пригласилъ придти къ 10 часамъ утра къ себѣ тѣхъ же студентовъ, чтобъ провести вмѣстѣ послѣднія минуты жизни; но увы! въ 6 часовъ утра на слѣдующій день его уже не стало въ живыхъ и собравшіеся увидѣли лишь холодный трупъ своего любимца. — Покойный оставилъ послѣ себя множество путевыхъ замѣтокъ, которыя должны вскорѣ быть изданы и будутъ очень интересны для многихъ. Затѣмъ нѣкоторые студенты рѣшились, подъ руководствомъ одного изъ профессоровъ, издать лекціи Дмитрія Ивановича по обоимъ предметамъ, что составитъ весьма обширные курсы. Изъ нихъ можно видѣть, до какой степени обширно было знакомство автора съ иностранною литературою по его специальности. — Умеръ онъ отъ чахотки, признаки которой обнаружились очень рано, подъ вліяніемъ тяжелыхъ трудовъ и усидчивой жизни.

Отдѣльные оттиски изъ „Записокъ Императорскаго Харьковскаго Университета“
вып. I 1894 года.

Харьковъ. Типографія Адольфа Дарре, Рыбная ул., № 28.